

HAL
open science

Еще один парадокс Жозефа де Местра: Местр как вдохновитель либералов, (159-210)

Bruno Berthier

► To cite this version:

Bruno Berthier. Еще один парадокс Жозефа де Местра: Местр как вдохновитель либералов, (159-210). АКТУАЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА. Материалы российско-французской конференции (Joseph de Maistre : Un penseur de son temps et du nôtre), Jun 2009, Moscou, Russia. pp.159-210. <hal-01509149>

HAL Id: hal-01509149

<https://hal.science/hal-01509149>

Submitted on 25 Jul 2017

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

АКТУАЛЬНОСТЬ

ЖОЗЕФА
ДЕ МЕСТРА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Институт мировой культуры
им. Е.М. Мельникова
Москва

АКТУАЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

Материалы российско-французской конференции

Москва
2012

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фр)я43
А43

Редакционная коллегия:
*Вера Мильчина, Пьер Глод, Сергей Зенкин,
Михаэль Кольхауэр*

Художник *Валерий Хотеев*

Ouvrage publié avec le concours du Centre franco-russe
de recherche en sciences humaines et sociales de Moscou
Книга издана при поддержке Франко-российского центра
гуманитарных и общественных наук в Москве

ISBN 978-5-7281-1348-5

© Коллектив авторов, 2012
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Мыслитель своего и нашего времени	7
<i>Жан-Ив Праншер</i>	
Секулярное государство в свете политической теологии: Местр и понятие секулярности в Новое время. <i>Перевод с французского В. Мильчиной</i>	10
<i>Пьер Глод</i>	
Жозеф де Местр и Луи де Бональд. Контрреволюционные мыслители: сходства и различия. <i>Перевод с французского В. Мильчиной</i>	31
<i>Филипп Бартеле</i>	
Жозеф де Местр между «противоположной революцией» и «противоположностью революции». <i>Перевод с французского В. Мильчиной</i>	51
<i>Филипп Роже</i>	
Жозеф де Местр – исследователь «идеосферы»? <i>Перевод с французского С. Зенкина</i>	59
<i>Антуан Компаньон</i>	
Пессимизм Жозефа де Местра. <i>Перевод с французского С. Зенкина</i>	71
<i>Михаэль Кольхауэр</i>	
Размышления о насилии: Жозеф де Местр сегодня. <i>Перевод с французского С. Зенкина</i>	85
<i>Сергей Зенкин</i>	
Жозеф де Местр и современные теории жертвы	115

Вера Мильчина
«Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр
как мастер светской беседы 127

Вадим Парсамов
Жозеф де Местр и А.С. Шишков 145

Брюно Бертье
Еще один парадокс Жозефа де Местра:
Местр как вдохновитель либералов.
Перевод с французского В. Мильчиной 159

Сергей Фокин
Революция Жозефа де Местра и Шарля Бодлера:
критика и клиника 211

Александр Ф. Филиппов
Политическая теология и суверенная диктатура:
Карл Шмитт о Жозефе де Местре 227

Каролина Арментерос
Жозеф де Местр и современный Ирак.
Перевод с французского С. Зенкина 239

ЕЩЕ ОДИН ПАРАДОКС ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА: МЕСТР КАК ВДОХНОВИТЕЛЬ ЛИБЕРАЛОВ

Для большинства читателей Жозеф де Местр – непримиримый глашатай контрреволюции. Таково общее место и прописная истина, которую исповедуют авторы, вот уже более двухсот лет с упорством, достойным лучшего применения, пытающиеся представить Местра главным, явным и несомненным прародителем дурно пахнущих политических теорий и тоталитарных идеологий. Между тем, сводя истолкования любой философской концепции к тем трактовкам, что были навязаны публике некоторыми печально известными читателями со скандальной репутацией, мы неизменно грешим анахронизмами.

К счастью, в последние годы некоторые исследователи взяли на себя труд опровергнуть подобные пристрастные или искаженные прочтения корпуса местровских текстов¹; среди этих исследователей в первую очередь надо назвать Жана Заганиариса. В нескольких работах² он весьма убедительно анализирует ту суровую логику, которая на протяжении полутора с лишним веков заставляла некоторые интеллектуальные круги разделять предвзятые теории, приравнивавшие изучение местровской философии к апологии самых страшных диктаторских режимов XIX и XX вв. В работе, опубликованной в 2005 г.³, Заганиарис попытался даже напомнить, что Местр, казалось бы, навсегда обреченный носить клеймо мрачного реакционера, в прежние времена порой ассоциировался – правда, бегло и непоследовательно – с совсем другими идейными течениями. В частности, Заганиарис восстанавливает совершенно забытую сегодня логику тех людей, которые видели в Жозефе де Местре предшественника не только либеральной мысли, но также и (что, впрочем, довольно спорно) политических течений, желавших скрестить республиканскую традицию с французским парламентаризмом.

Местр – либерал? Такое утверждение не открывает ничего нового для биографов, которые, стремясь поточнее определить своеобразие его интеллектуальной позиции в то время, когда он, по его собственным словам, вел унылую жизнь провинциального нотабля, не раз называли его савойским Монтескье⁴. С другой стороны, раз-

деляя это утверждение, сегодня представляющееся совершенно неопровержимым, следует помнить об опасности противоположного толка и остерегаться безапелляционности в духе Робера Триумфа, который посвятил свою жизнь непримиримой и неустанной борьбе с отношением к Местру как вечному противнику современности – отношением, весьма распространенным в традиционалистских кругах. Если верить этим почитателям Местра, он выступал против современности в любых ее формах еще до того, как революционная буря достигла Савойи. Напротив, Триумф, ищущий повсюду доказательств преступного лицемерия своего героя, полагает, что он всю жизнь, а не только во время своей службы в Шамбери, был либералом просветительского толка, какими были многие представители его поколения и каким он сам оставался вплоть до дождливого дня 22 сентября 1792 г.⁵ В этот знаменательный день, по мнению Триумфа, Местр внезапно отрывается от всех своих прежних убеждений и, под звуки редких ружейных выстрелов французских солдат, наступающих под командой маркиза де Монтескью на столицу Савойского герцогства, совершает прискорбный пируэт, главные побудительные мотивы которого – неудовлетворенность сенаторским жалованьем, на его взгляд чересчур незначительным, и желание наконец осуществить давнишнюю мечту и пуститься в политическую авантюру⁶, чтобы освободиться от «чудовищного груза, каким давит на человека ничто»⁷. Обсуждение пресловутой местровской двуличности не входит в задачу настоящего исследования, во-первых, потому, что носит сугубо психологический характер, а во-вторых, потому что все аргументы за и против были подробнейшим образом исследованы Жаном-Луи Дарселем в ходе многолетней дискуссии⁸; вдобавок, определяя взгляды юного Местра как «либеральные» без всяких уточнений, мы бы чересчур упростили дело, ибо при этом смешали бы в одну кучу вещи самые разнородные и даже противоречивые и ничуть не прояснили вопроса об истинной сущности его политических симпатий. Дело в том, что общим названием «либералы» принято для краткости обозначать людей предреволюционной эпохи, в той или иной степени затронутых общими тенденциями, характерными для эпохи Просвещения; но в реальности исповедовавших совсем не одинаковые философские и политические убеждения. Для просветителя (*Aufklärer*) было характерно новое отношение к чрезвычайно расширившейся сфере познания, в лучшем случае использование нового метода рационального исследования реальности, однако нельзя

сказать, что все просветители поддерживали единый для всей Европы проект социальных преобразований⁹ и более или менее единодушно выступали за установление в их странах парламентского режима; эти взгляды и симпатии задним числом приписали им французские республиканцы конца XIX в. Жозеф де Местр, любивший в свободное время почитать «Энциклопедию», еще задолго до вступления французских войск в Савойю вел себя так, как и полагалось идеальному консерватору-реформисту, и занимал при исполнении своих профессиональных обязанностей ту же позицию, какие на разных концах европейского континента в последние предреволюционные годы занимали многие высокопоставленные юристы. Например, вслед за Монтескье он разделял господствовавшую в то время – и, разумеется, в строго историческом плане ошибочную – точку зрения на политическое происхождение французских парламентов, а следовательно, на легитимность всех современных институций, устроенных по этому образцу¹⁰, – точку зрения, основываясь на которой почтенный Савойский сенат с XVI в. претендовал на равенство своей власти и власти сардинской монархии, по этой причине именовавшейся «просвещенной»¹¹. Не так существенно в данном случае, что, сбитый с толку своими любимыми книгами, Местр понял внутреннюю логику монархии английского типа не лучше, чем полувеком раньше Монтескье, наблюдавший функционирование этой монархии в Лондоне и прославивший ее на страницах своей знаменитой книги¹². Если французские магистраты вплоть до самой Революции охотно основывали свои «либеральные» требования на туманных рассуждениях относительно «парламентской проблемы», то главной причиной этого было их обостренное корпоративное самосознание. Настоящие либералы и даже те, с которыми новоявленный эмигрант охотно общался в 1793–1797 гг. в светском кругу замка Коппе, не имели ничего общего с этими реформаторами, которые, подобно савойскому юристу, бросали все силы на реформирование традиционных монархий исключительно ради того, чтобы любой ценой избежать ненавистных им восстаний¹³.

Если бы Монтескье оказался свидетелем Французской революции и, в частности, кровавых эпизодов 1792–1795 гг., развеявших все мечты об установлении во Франции ограниченной псевдомонархии английского образца (предположение, грешащее анахронизмом и потому не вполне научное, но тем не менее имеющее право на существование), он, вне всякого сомнения, осудил бы злоупотребления

Революции еще более строго, чем его шамберийский читатель. Пожалуй, в этом случае кумир эпохи Просвещения, певец либерализма и законности предстал бы не кем иным, как неблагонамеренным старшим товарищем и пугливым наставником своего незадачливого ученика Жозефа де Местра, которому суждено было стать козлом отпущения, прослыть прокаженным литературного мира, хотя в области чисто политического анализа общность его взглядов и взглядов Монтескье не подлежит сомнению¹⁴. И вот на чем держатся репутации! Подчеркнем раз и навсегда: Местр никогда не был либералом в том смысле, какой вкладывают сегодня в это слово сторонники парламентского режима. Он не был либералом ни до 1789 г., ни после! Что не мешало ему в течение всей жизни оставаться просвещенным магистратом, презирающим нагромождение древних «готических законов»¹⁵, которые при Старом порядке препятствовали нормальному функционированию монархических режимов. Местр был убежден, что эти досадные пережитки, остатки старинных установлений должны быть уничтожены без промедления, ибо они нарушают чистоту теократического режима византийского типа, за который он неустанно ратовал в Шамбери и Кальяри, а позднее в Санкт-Петербурге и в Турине. Пожалуй, только по этой единственной причине он и может быть назван «республиканцем» (в античном смысле этого слова); ведь он выступал за сословное политическое представительство в духе римской *res publica*. Напротив, его противники-либералы поднимали на щит демократическую модель прямого народного представительства афинского типа, невзирая на суровую критику, какой подвергали такой порядок правления Платон, Ксенофонт, Исократ и юный Демосфен, а также, конечно, Аристотель, у которого Местр следом за Монтескье черпает значительную часть своих аргументов в пользу концепции равновесия властей; впрочем, Местр обращается к греку Аристотелю не напрямую, а через посредство своего римского кумира Цицерона¹⁶.

Итак, если на какое-то время Жозеф де Местр и превратился во вдохновителя воинствующих либералов, то, как тонко почувствовал Жан Заганиарис¹⁷, отнюдь не напрямую. Вдобавок произошло это в весьма своеобразной ситуации, когда в середине XIX в., в разгар национально-освободительного движения Рисорджименто, королевство Сардиния, которому Местр в тяжкие годы изгнания служил верой и правдой, делая все возможное и невозможное, прекратило свое существование. Парадоксальным образом Местр, который

всю жизнь находился в весьма сложных – чтобы не сказать натянутых – отношениях со своим государем¹⁸ и даже со своим родным краем – герцогством Савойским, отделенным Альпийским горным массивом от континентальных владений сардинской монархии и с 1815 г. обреченным на исчезновение (хотя и получившим отсрочку), ибо само его существование было возможно лишь в рамках геополитики Старого порядка, – этот самый Местр позднее, в 1850–1860 гг. становится, внезапно и против всякого ожидания, любимцем людей, приближенных к Туринскому двору, а вернее сказать, к главной фигуре этого двора – графу Бензо Камилло ди Кавуру. Основываясь на официальной дипломатической переписке Местра¹⁹, представлявшей собой в ту пору наименее известную часть его наследия²⁰, эта горстка молодых людей предлагает неожиданное прочтение «старых бумаг», которые, надо признать, на первый взгляд кажутся весьма далекими от тех ставших уже классическими умозрительных построений, что составили репутацию Местра в глазах потомства. Прочтение это не замедлило вызвать скандал в рядах католиков-консерваторов, претендовавших, во всяком случае во Франции конца XIX в., на исключительное право интерпретации идеологической продукции Местра. Впрочем, споры довольно быстро прекратились, поскольку наследие Местра, препарированное соответствующим образом, было окончательно и бесповоротно прибрано к рукам Моррасом и его сторонниками, которые сделали его своей «визитной карточкой», возвели к нему свои идеологические построения. Превращение прозы, по самой своей сути насквозь полемической и ускользающей от любой классификации, в бронзовый памятник оказалось губительным для посмертной судьбы Местра. В течение целого столетия можно было наблюдать горестное зрелище: горстка фанатических поклонников кадит надменному воплощению Контрреволюции, лубочному «про року минувшего» в пудреном парике и кружевном жабо²¹. Этот суровый старец заслонял от потомков фигуру предромантического гения; биографы, обсуждавшие «еретическую» часть его наследия при Второй империи, в пору присоединения Ниццы и Савойи к Франции и создания современной Италии²², не соглашались признавать за ним ни «многогранности», ни «противоречивости»²³.

В наши дни, когда в Савоие отмечается столетие годовщина исчезновения одноименного государства, а по другую сторону Альп празднуется очередная годовщина создания Единой Италии, настала пора вернуться к этому забытому эпизоду конца 1850 –

начала 1860-х годов, надолго заслоненному внеисторическими истолкованиями жизни и творчества Жозефа де Местра, которого его набожные поклонники из числа правых легитимистов XIX в., а затем, в период между Первой и Второй мировыми войнами, наследовавшие им французские националисты превратили в фигуру, оторванную от жизни, в бесплотный символ определенных идеологических тенденций. Конечно, автор настоящей статьи не может претендовать на соперничество с обширным исследованием Жана Заганиариса, который, к чести своей, еще до всех юбилеев привлек внимание к забытому эпизоду полемики вокруг одного по-прежнему недооцененного фрагмента местровского наследия, однако монографические рамки нашей статьи позволяют прояснить некоторые моменты в работе Заганиариса, ценной, но страдающей некоторыми неточностями именно в том, что касается данного эпизода. Не вполне учтены местные обстоятельства и на страницах, впрочем весьма интересных, посвященных открытию в Шамбери в конце века памятника братьям Жозефу и Ксавье де Местрам²⁴, который был воздвигнут по инициативе католиков, незадолго до того примкнувших к восторжествовавшей Третьей республике и возглавляемых неутомимым биографом Местра Франсуа Декотом²⁵. Так, Жан Заганиарис обходит молчанием весьма колоритный эпизод так называемой «Войны статуй»²⁶, красноречиво свидетельствующий об общественных настроениях конца XIX – начала XX в.: двое сыновей Франсуа-Ксавье де Местра оказались достаточно влиятельными, чтобы оспорить часть посмертной славы у одинокого мечтателя из поместья Шарметт и представлять за родной город наравне с ним; в результате памятник двум Местрам и бронзовый профиль Жан-Жака Руссо долгое время пребывали в состоянии жесточайшего и слегка комичного соперничества²⁷. Разумеется, либеральная интерпретация, которой подверг наследие Местра политический интриган Альбер Блан, – интерпретация тенденциозная, двусмысленная, корыстная и недолговечная – сегодня выглядит не более чем историческим анекдотом²⁸ с сильной регионалистской окраской. Однако литературное сообщество должно тем не менее быть благодарно за публикацию – пусть неполную, чтобы не сказать необъективную, – фрагментов дипломатической переписки Местра, относящейся к тому важнейшему периоду его жизни, когда были написаны основные его произведения, которые не могли не быть связанными с каждодневными профессиональными занятиями господина полномочного посланника Его Величества

короля Сардинии²⁹. Однако подробное исследование этих связей, к несчастью, до сих пор не было проделано, ибо никто или почти никто не уделял внимания этой проблеме, за исключением Жозефа Мандуля, выпустившего свою книгу через сорок лет после тех событий, которым посвящена наша статья³⁰.

Что же касается дальнейших исследователей, то, пожалуй, только Франсис Бейль³¹, пытаясь в середине XX в. оценить практическое значение многогранного местровского наследия, время от времени опирался на некоторые из выводов, к которым пришли авторы этих первых основополагающих работ. А следом за ним Поль Гишонне и Робер Триумф³², каждый на свой лад и по весьма различным причинам, заинтересовались мнением Жозефа де Местра о незавидной судьбе савойского края, который, сильно пострадал в ходе Революции, Империи и Реставрации и в течение четверти века служил разменной монетой в отношениях между Францией, Швейцарией и Сардинским королевством. Впрочем, не стоит обольщаться. Все это лишь исключения, разрозненные этюды, а для абсолютного большинства авторов Местр как автор философских памфлетов по-прежнему заслоняет Местра, трудившегося на дипломатическом поприще в ту давно прошедшую эпоху, когда в Европе создавались национальные государства и устанавливалось равновесие держав, милое сердцу князя Меттерниха.

Не секрет, что обширную дипломатическую переписку Местра, до сих пор изданную далеко не полностью³³, очень часто путают с его частной перепиской, опубликованной в конце жизни Родольфом де Местром³⁴. Конечно, эта болтовня на семейные или светские темы, перемежающаяся более или менее развернутыми и более или менее продуманными рассуждениями на темы современной политики, блистательна и является достойным продолжением традиций маркизы де Севинье, однако она не идет ни в какое сравнение с официальными донесениями, зачастую шифрованными. Язык и стиль в них прежний, но все стилистическое мастерство Местра здесь поставлено на службу одной цели – защите интересов престола, находящегося на дурном счету у могущественных держав эпохи Реставрации, немедленной выработке плана спасения политического организма, которому грозит окончательное уничтожение. Можно ли назвать корпус текстов, дающий более полное представление о мышлении автора, чем сочинения, носящие характер геополитический и содержащие огромное число стратегических соображений, пусть даже очень быстро утрачиваю-

щих практическую ценность? Сказанное в полной мере относится и к другой части местровского наследия, пожалуй, еще более обширной и также посвященной предметам сугубо профессиональным, а именно к юридическим документам, сочиненным магистратом Жозефом де Местром в Шамбери в течение двадцатилетней службы в Савойском Сенате; число этих документов так велико, что не только их исчерпывающий анализ, но даже сколько-нибудь полный обзор до сих пор не сделан³⁵. А между тем, хотя эта забытая часть наследия Местра, разумеется, менее блистательна и увлекательна, чем его метаполитические произведения, она, на наш взгляд, представляет интерес не только для любителей исторических мелочей и знатоков савойской истории. Робер Триумф, вечный нарушитель общепринятых конвенций, не изменил своей привычке и в этом случае; он первым поставил этот вопрос и извлек из вороха скучных юридических бумаг несколько ярких документов, призванных привлечь внимание к теоретическим рассуждениям Местра-юриста³⁶; впрочем, последователей у Триумфа нашлось немного. Лишь Жозеф Мандуль и Франсис Бейль, не разделявшие всеобщего презрения к сухой юридической прозе, сумели понять, как много дает знакомство с этой частью эпистолярного наследия Местра – неудобной для чтения, поскольку совершенно разрозненной, в отличие от дипломатической переписки, – для понимания его политических, а возможно и философских идей³⁷. И на данном этапе не так важно, что эти авторы невольно попадали в зависимость от чересчур пристрастных интерпретаций Альбера Блана, их единственного источника информации, и, не будучи отделены достаточной исторической дистанцией от времени, когда действовал он, не всегда могли отличить в его публикациях идеи самого Местра от плодов их искусного препарирования, предпринятого ради пропаганды идей Рисорджименто накануне провозглашения единой Италии.

Эти исключения особенно драгоценны, поскольку позволяют хоть сколько-нибудь конкретизировать те сугубо абстрактные рассуждения о Местре-реформаторе, которым неизменно предавались все его биографы, начиная с Франсуа Декота и Франсуа Вермаля. Особенно если принять во внимание интереснейшие замечания Робера Триумфа, который, верный обыкновению разоблачать своего главного героя и уличать его во всех возможных грехах, указывает с мнимым изумлением и явным коварством – но при этом совершенно точно, – что всякий раз, когда Местру приходилось отстаивать интересы Савойской династии при европейских дворах или распространяться

насчет особого характера своей родной страны, он становился куда более искренним и куда менее догматичным, чем когда пускался в бесконечные рассуждения о влиянии божественного промысла на человеческие установления. Сходным образом, когда будет наконец произведен тотальный просмотр прошений и записок Местра, сочиненных им в бытность товарищем прокурора, а затем решений, принятых им в качестве сенатора, это поможет радикально обновить сложившиеся представления о графе де Местре, ибо юный магистрат в течение всех предреволюционных лет трудился не покладая рук ради того, чтобы по крайней мере в Савоие старый феодальный порядок был уничтожен, а права спесивых дворян, чьи прерогативы и привилегии он считал устаревшими и неуместными, ограничены³⁸.

Теперь, после того как мы напомним о том, как много физических, умственных и душевных сил отдал Местр попечением о судьбе Сардинского королевства, настало время рассмотреть, каким образом некоторые либеральные политические деятели вырвали тексты, сочиненные им в качестве профессионального участника европейской политической жизни, из породившего их революционного и после-революционного контекста начала XIX в. и поставили на службу борьбе за единую Италию.

*Жозеф де Местр – неутомимый исследователь
судьбы Сардинского королевства
в неблагоприятной обстановке Революции и Империи*

Графу де Местру, кажется, суждено оставаться вечно непонятым, в особенности своими самыми восторженными почитателями, ревностными защитниками его репутации правоверного контрреволюционера. Эти многочисленные французские поклонники старательно замазывают, замалчивают то, что они по недомыслию принимают за слабость, за мелкий изъяс, вкравшийся в провиденциалистскую теорию, во всем остальном совершенно безупречную. Их сбивает с толку постоянное и явное несовпадение между теоретической жесткостью Местра и гибкостью – Робер Триумф говорит о двуличности – тех его писаний, которые касаются практической политики, прежде всего судьбы Савойского государства и наилучших способов управлять им³⁹. Между тем эта врожденная двойственность не содержит в себе ничего постыдного; те, кто полагает иначе, пребы-

вают во власти заблуждения, которое нетрудно рассеять. Хотя зрелое творчество Местра посвящено в большей степени проблемам всемирным, приводимые им конкретные примеры и его политический опыт выдают мыслителя, сформировавшегося не на французской почве. Местра обычно причисляют к французским писателям, поскольку он писал по-французски и неоднократно подтверждал свое франкофильство⁴⁰; между тем он родился подданным Сардинского королевства, традиции которого разительно отличались от традиций того королевства, которое ведет свое начало от Гуго Капета. Местр, кстати, оставался верен Сардинии до конца жизни, хотя заплатил за это дорогую цену. Но заблуждения очень живучи и легко превращаются в общее место⁴¹.

Забавно, что находятся авторы, которые, чересчур доверившись Альберу Блану⁴², пытаются, напротив, изобразить Жозефа де Местра итальянцем и тем самым объяснить, почему он во многих случаях рассуждает вовсе не как типичный француз. Одним словом, в Париже его считали чересчур большим итальянцем, а в Турине и особенно в Риме – чересчур большим французом! Не слишком ли много для савояра, глубочайшим образом привязанного к родному краю, маленькому альпийскому государству, которое с 1718 г. носило обманчивое название «Королевство Сардиния», но при этом с конца XVI в., когда еще входило в состав Священной Римской империи, признавало своей столицей Турин? Пишущие на эту тему грешат многочисленными неточностями. Даже Жан Заганиарис не является исключением и сталкивается с немалыми трудностями при анализе специфики местровского «институционального биотопа», хотя он старается рассматривать каждого полемиста и каждый политический тезис в связи с тем краем, который их породил, дабы не упускать из виду неизбежного расхождения между средой, где произведение было написано, и той средой, где оно было воспринято. Он, например, утверждает, что с 1858 г. «Савойя навсегда принадлежала Италии»⁴³, меж тем как она в это время, совсем напротив, готовилась влиться в состав Франции и вовсе не собиралась сопутствовать своему государю в деле создания единой Италии. «Герцогство Савойское», «королевство Сардиния», «княжество Пьемонт», «Савойская династия» – все эти понятия сбивают с толку исследователя, не знающего досконально все детали истории альпийских государств, как бы ни стремился он постичь «сложную биографическую траекторию», определившую интеллектуальное развитие его героя⁴⁴.

Между тем, именно став дипломатическим представителем этого маленького альпийского королевства, в геополитическом отношении представлявшего собой своеобразный средневековый заповедник, совершенно закрытый в начале XIX в. для постановки национальных вопросов на французский манер, Жозеф де Местр принялся вынашивать самые дерзкие планы удовлетворения древних дипломатических притязаний своих государей, причем продемонстрировал при этом ту гибкость, которую вслед за Альбером Бланом и Жозефом Мандулем всерьез попытались исследовать только Робер Триумф и Жан-Луи Дарсель.

Жозеф де Местр – экзальтированный политический публицист или проницательный дипломат-практик?

В историю философии и словесности Местр вошел в качестве так называемого чистого интеллектуала⁴⁵, который был вынужден служить, потому что, на свою беду, не имел счастливой возможности жить на пожизненную ренту; между тем на самом деле соотношение разных сфер в жизни Местра было совсем иным: все свои философские труды он сочинил в часы досуга, когда был свободен от исполнения профессиональных обязанностей, отнимавших у него массу времени и сил. В 1792 г. он оставил должность, которую занимал безотрывно в течение двух предшествующих десятилетий, – должность магистрата, входящего в состав высшей судебной палаты, где юридические функции типичным для Старого порядка образом смешивались с административными, и поменял ее на обязанности дипломата и негласного агента, которые старательно исполнял до 1800 г. Затем, с 1800 по 1804 г., он управлял Главной королевской канцелярией в Кальяри (должность, примерно соответствующая нынешнему министру юстиции и канцлеру), затем в 1804 г. был отправлен в качестве полномочного посланника в Петербург, где и оставался до 1817 г., после чего снова вернулся к исполнению обязанностей управляющего Главной королевской канцелярией, на сей раз уже в Турине, и исполнял их до своей смерти в 1821 г. Когда, вследствие хорошо известных исторических обстоятельств, бывший сенатор оказался в начале 1793 г. на северных берегах озера Леман и принялся играть роль пропагандиста и неофициального дипломатического агента, его это, по-видимому, не слишком смутило; ведь втайне он всегда мечтал

о политической деятельности и в глубине души надеялся ближе к сорока годам стать наместником одной из провинций Сардинского королевства. Общеизвестно, что Местр мастерски владел искусством светской беседы; однако не менее мастерски владел он другим искусством – кабинетной работы. Он любил трудиться над документами и умел это делать; помогало ему и юридическое образование, и опыт работы в высшей судебной палате, наделенной, как это было принято при Старом порядке, некоторыми «политическими» функциями, выходящими далеко за рамки простого искового производства, в частности правом издавать подзаконные акты. Именно из этого питомника высших магистратов туринские власти обычно и рекрутировали своих наместников⁴⁶.

Если бы не Революция, верный слуга Сардинского королевства и Савойской династии граф де Местр скорее всего поднимался бы по карьерной лестнице с величайшей легкостью. Многим ли читателям известно, что, прибыв в 1798 г., после аннексии революционной Францией континентальной части Сардинского королевства, ко двору своего короля, который пребывал в положении почти изгнанника, почти иностранца в Кальяри, средиземноморской столице Сардинии, Местр без промедления приступил к столько раз откладывавшейся реформе местной правовой системы?⁴⁷ Этот эпизод его биографии мало известен и мало изучен, однако он как нельзя лучше показывает, насколько сильно был привержен Местр реформаторским идеям. Начальника Главной канцелярии не смущает то обстоятельство, что задача, которую он перед собой поставил, одному человеку решительно не по силам. Трудности его только распаляют. И первые результаты его кипучей деятельности не заставляют себя ждать. Приведем лишь одно доказательство. Всего за несколько месяцев господин управляющий Главной канцелярией настроил против себя почти всех своих подчиненных, совершенно не склонных отказываться от многовековых бюрократических традиций. Не меньшее раздражение вызвал Местр и у представителей местной знати, недовольных чрезмерным реформаторским пылом их савойского соотечественника. Пыл этот грубо нарушал спокойную жизнь местных царьков, привыкших обращаться со своими арендаторами точь-в-точь как средневековые феодалы и презирать все централизаторские нововведения, которые исходили от правительства, еще совсем недавно пребывавшего далеко за морем, в Турине⁴⁸. Очевидно, что, хотя Местр и не ссылается на этот опыт в своих теоретических сочинениях, деятельность в

Кальяри благоприятствовала его назначению на дипломатический пост, которое наконец удовлетворило его амбиции и открыло перед ним поле деятельности, к которой он, несмотря на все его уверения в обратном, чувствовал себя вполне готовым, ибо пристрастился к ней в 1793–1799 гг., когда пробовал себя в роли дипломата в разных городах, от Лозанны до Венеции⁴⁹.

Конечно, в ледяном Петербурге Местру, вечно неудовлетворенному своим положением, не доставало конкретной административной деятельности с ее постоянным соревновательным духом. Возможность общаться домашним образом с великими мира сего не компенсировала того острого чувства обиды, которое Местр испытывал в российском далеке, в обстановке полупраздности (впрочем, располагающей к ученым занятиям), на которую обрекала его должность почетная, но не то чтобы абсолютно необходимая для процветания Савойского дома. Монотонное сочинение бесчисленных донесений, влияние которых на реальные политические решения, принимаемые окружением Виктора Эммануила I, оставалось весьма сомнительным, явно утомляло Местра, вдобавок возможности для маневра на европейской дипломатической сцене у сардинского двора были весьма невелики. Великий труженик, обреченный вести полусонное существование, чуждое его природе, Местр не делает тайны из того, что существование это его тяготит. Он постоянно пребывает во власти уныния, раздражается от ощущения собственной ненужности, недооцененности, от того, что ему не дают сделать для своего государя все, на что он способен. Особенную ярость вызывает у него тот факт, что после падения Наполеона сардинский кабинет не удосужился послать его ни на парижские, ни на венские переговоры⁵⁰. Проницательный дипломат, опытный администратор, умеющий молниеносно принимать необходимые решения, он раздражает своих непосредственных начальников, которые изнемогают от его настоятельных предложений, пугаются смелости его мысли и его реформаторского духа. Местр, слышащий застывшим на одном месте консерватором, понял, что сохранить традиционные политические принципы можно только одним-единственным способом – постоянно видоизменяя установления, эти принципы поддерживающие. Реформатор из духа консерватизма, он наталкивается на контрпродуктивное политическое бездействие государя, который не только не прислушивается к здравым советам своего полномочного посланника при далеком дворе русского царя, но, напротив, после 1814 г. делает все для уско-

рения внутриполитического кризиса в своем королевстве, ибо, к величайшей ярости Жозефа де Местра, выступает за бессмысленное восстановление всех старинных и безнадежно устаревших структур сардинского государства, включая законодательство⁵¹.

Дерзкие планы Местра по воскрешению старинных геополитических притязаний Савойской династии

Возникновение Савойского государства, одним из самых видных представителей которого в смутные времена Революции и Империи был Жозеф де Местр, восходит к тем далеким временам раннего Средневековья, когда Лотарингия, только недавно – вследствие Верденского договора (843), позволившего потомкам Карла Великого поделить между собой его империю, – ставшая отдельным королевством, сделалась предметом раздоров и распалась. В центре «Срединного королевства», простиравшегося от Северного до Средиземного моря, на развалинах эфемерных бургундских королевств возросла амбициозная графская династия, которая около 1000 г. закрепила на западном склоне Альп и основала трансальпийское владение, вошедшее, несмотря на соседство с капетинговской Францией, в состав Священной Римской империи. Укрепив свое господство над этой изначальной территорией, не слишком пространной и с весьма неудобным рельефом, первые савойские государи предпринимают попытки расширить свои феодальные владения. В мечтах они отодвигают их пределы до символической границы той же самой недолговечной Лотарингии, которая некогда располагалась на склонах гор Юра и западных и северных Альп и границей которой служили аллювиальные предгорья у слияния Соны и Роны. Однако этому великому замыслу не суждено было исполниться, и честолюбивой княжеской династии пришлось на время отложить гордое намерение простереть свое владычество через плато Романдской Швейцарии вплоть до самого Рейна; она была вынуждена обратить свои взоры в другую сторону, следствием чего явилось перенесение в 1563 г. административной столицы Савойского герцогства из Шамбери в Турин. В течение двух столетий «альпийские привратники» сохраняли важную роль на европейской дипломатической сцене исключительно благодаря своему геостратегическому положению, впрочем весьма неудобному и обрекавшему герцогство Савойское, располагавшееся

к западу от естественной крепостной стены, каковой служит Альпийская гряда, на постоянные попытки военной оккупации со стороны Франции⁵².

Тем временем туринские государи все более плотоядно поглядывают в сторону герцогства Миланского и в соответствии с фразой, приписываемой Виктору Амедею I (1587–1637), который в этом отношении явился не более чем продолжателем политики своего деда Эммануила Филиберта, обдумывают способы сгрызть этот вкусный артишок листик за листиком⁵³.

За неимением подходящей альтернативы и в ожидании реальной возможности подчинить своему влиянию всю Италию, Савойский дом принялся разрешать эту проблему на средневековый манер и укрепил связь со своими владениями по другую сторону Альп посредством основания в 1718 г. новой абсолютной монархии – королевства Сардинии. Власть в этом савойско-сардинском государственном образовании вела себя тем более авторитарно, чем более скромны были его истинные размеры, ибо остров Сардиния продолжал существовать в собственном политическом ритме, оставаясь чуждым каким бы то ни было серьезным политическим реформам. Континентальные составляющие королевства: княжество Пьемонтское, герцогство Лостское, графство Ниццское и герцогство Савойское также существуют, сохраняя относительную независимость и не образуя ни «савойского», ни «сардинского» национального единства. Напротив, власти каждого из них, заботясь о сохранении древних прерогатив, стараются укреплять прямую вертикальную связь с государем и получать от него милости, не меньшие, чем у соседей. Единственным элементом, скрепляющим всю конструкцию, остается искренняя привязанность весьма разнородного населения к своему королю; центробежным силам противодействует только монархический принцип⁵⁴. Эта система, полностью лишенная какого бы то ни было национального чувства, безусловно повлияла на мышление Местра, открыто объявлявшего о своих традиционалистских политических предпочтениях еще в родной Савоие задолго до 1792 г.

Между тем потрясенный революционным катаклизмом, вдохновившим его на теоретические разыскания, Жозеф де Местр довольно быстро понимает, насколько сильно изменилась европейская геополитическая ситуация с тех пор, как французские санкюлоты сумели привить «народам-братьям» неизлечимый вирус, заставляющий всех граждан одной нации добиваться равных прав⁵⁵. В течение недолгого

«швейцарского периода» Местр выступает с контрреволюционными заявлениями, но сразу по его окончании, во время пребывания на Сардинии (1800–1804) он начинает понимать, что появление на политическом горизонте метеора по имени Бонапарт, который, вероятнее всего, послан на Землю Провидением, отнимает надежду на восстановление старинных форм государственности в прежнем виде: восстановление это после всех территориальных трансформаций и административных реформ, произведенных Бонапартом, невозможно, пусть даже сам он и обречен рано или поздно быть свергнутым с престола. Тщетно господин управляющий Главной канцелярией, а позже господин полномочный посланник в Санкт-Петербурге, рискуя прослыть опасным интриганом и ставя в тупик современников и позднейших биографов, не способных понять его истинные намерения, пытался убедить своего государя в том, что обеспечить себе прочное политическое будущее Савойский дом может одним-единственным способом – взяв на себя роль, которую еще не брал никто, роль средоточия национального чувства, центра, вокруг которого сплотилась бы вся Северная Италия⁵⁶. Ради этого он после Аустерлицкой битвы даже советует Виктору Эммануилу I на время заключить союз с Наполеоном⁵⁷, чтобы как можно скорее приобрести в глазах населения всей долины По, от предгорий Монте-Визо до Венецианской лагуны, выгодный статус национального символа. Время не ждет, уверяет он недоверчивого государя; рано или поздно личная власть Императора французов исчезнет с лица земли вместе с ее носителем, и тогда соединение принципа национального представительства с традиционной королевской властью сделается в глазах создателей Великой коалиции величайшим преимуществом Савойского дома⁵⁸.

После начала переговоров в Париже, а затем в Вене в 1814–1815 гг.⁵⁹ граф де Местр делается еще более настойчивым, чем страшно раздражает монарха-патерналиста, который воцаряется во дворце своих предков так, как будто за два десятка лет ничего не произошло, а добрые туринцы просто очнулись от зимней спячки, и которому его подданные очень скоро присваивают убийственное прозвище «Король сурков». Сардинского посланника в Санкт-Петербурге это приводит в бешенство. Австрия требует себе Миланское герцогство и Венецию, в которых она более, чем где бы то ни было, имеет репутацию державы-оккупанта, а между тем разве не Савойскому дому, уже почти три века правящему Пьемонтом и слышущему в глазах общественного мнения династией истинно итальянской, пристало

объединить вокруг старинного трона с давними традициями население северной части Итальянского полуострова?⁶⁰ Местр был убежден, что в этом случае осуществится счастливый союз современности и традиции, и произойти это должно благодаря реформам плавным, постепенным, но последовательным, дорогим сердцу всех просвещенных консерваторов, желающих сохранить в неприкосновенности традиционные политические принципы и понимающих, что ради этого следует произвести в государственном аппарате необходимые структурные перемены. Дипломатическая проза этого периода свидетельствует о бесспорном прагматизме Жозефа де Местра, который во время Реставрации неустанно сражается за то, чтобы наконец были начаты те структурные реформы сардинского правления, за которые он ратовал еще в 1785 г., в «юношеском» «Похвальном слове Виктору Амедею III», оставшемся совершенно непонятым для коронованного адресата. Теоретик, слышущий непреклонным защитником абсолютизма, автор «Опыта об основании политических конституций», доходит до того, что советует своему государю принять хартию по французскому образцу, при условии, конечно, что сохранятся в неприкосновенности традиционные основы государства, где власть короля ограничена, во-первых, судебной властью, наделенной политическими прерогативами, а во-вторых, сословным представительством, удачно заменяющим эгалитарную систему представительства, при которой народное собрание подвластно всем губительным колебаниям общественного мнения⁶¹. Больше того, этот исконный, неисправимый савояр, которого злые языки из числа туринских чиновников, желавших его подсидеть, еще до Революции именовали «французом», осмеливается открыто советовать в обмен на земли из долины По уступить Франции свою «малую родину» Савойю, временно раздробленную согласно первому Парижскому договору от 30 мая 1814 г.⁶²

Разумеется, никто и не подумал следовать этим советам, но каждое донесение Местра вызывало у туринского двора еще большее раздражение против желчного старца, представлявшего Сардинское королевство в Санкт-Петербурге⁶³. Советы эти были чересчур резкими и, парадоксальным образом, чересчур гибкими для двора, наслаждающегося полной реставрацией, и омрачили конец карьеры верному слуге короля, который всю жизнь пекся исключительно об интересах Савойского дома и предлагал свои реформы именно ради его процветания, но очень редко был оценен по достоинству. А после

смерти Местра его дипломатические донесения, утратившие практическую ценность, хотя и содержащие, наряду с незначительными деталями, пронзительные предостережения и потрясающе тонкие анализы современной геополитической ситуации, остались пылиться, всеми забытые, в туринском архиве Министерства иностранных дел.

Судьба для документов такого рода, казалось бы, вполне естественная. Однако в данном случае неизменный порядок вещей был нарушен спустя меньше чем через полвека стараниями авантюриста-либерала, которому пришлось на ум извлечь из-под спуда эти старые бумаги, некогда скандальные и еретические, дабы произвести впечатление на графа Камилло Бензо ди Кавура⁶⁴, тогдашнего министра иностранных дел королевства Сардиния, стоявшего на пороге превращения в королевство Италию. Для неимущего интригана, мучительно ищущего политических покровителей, находка этих бумаг была настоящим счастьем. Оказалось, что язвительные замечания его шамберийского земляка совершенно не утратили за прошедшие годы своей остроты. Больше того, в туринском политическом климате 1850-х годов, ничуть не менее затхлом, чем тамошняя атмосфера в 1814–1821 гг., они могли послужить авторитетным моральным оправданием для перемен в иностранной политике, начатых властями после 1848 г., когда оказались востребованы мадзиниевские идеи касательно объединения Италии, и для провозглашения Карлом Альбертом Савойским-Кариньяном, вспомнившим романтический карбонаризм своей юности, либерального «Конституционного статута».

Воскрешение — столь же запоздалое, сколь и неожиданное — идей Жозефа де Местра ради защиты дела Рисорджименто и объединения Италии

Верноподданный Его Величества короля Сардинии, Жозеф де Местр всегда настаивал на том, что он в первую очередь савояр. Иначе говоря, франкоговорящий подданный сложной политической структуры, отличающейся официальным многоязычием — плодом распространения влияния Савойского дома вне одноименного герцогства, по другую сторону Альп. Структура эта даже в эпоху Просвещения оставалась средневековой по духу; по этой причине Местр научился говорить и писать по-итальянски, то есть на том языке, на каком изъяснялись обычно государственные чиновники по ту сто-

рону Альп (а точнее сказать, на дантовском тосканском диалекте, а не на местном пьемонтском наречии), только в тот момент, когда приехал в Турин для учебы в Королевском университете⁶⁵. Можно ли найти лучший символ для все более и более четкого разделения подданных Сардинского королевства, искусственно возрожденного участниками Венского конгресса наперекор всем национальным движениям, торжествовавшим в Европе XIX в., на две группы — по эту и по ту сторону гор (*di qua e di la dei monti*)? Таким образом, в эмоциональном плане замысел Рисорджименто⁶⁶ был Местру решительно чужд — в отличие, например, от его современника Витторио Альфьери, другого знаменитого сардинского подданного. И если Местр, как говорится, «скрепя сердце» поддерживал подобные идеи, то исключительно ради того, чтобы спасти савойский престол в ту пору, когда после падения Наполеона его участь стали решать участники европейских конгрессов. Местру еще до Реставрации случалось высказывать предчувствие, что рано или поздно Сардинское королевство утратит свои западные провинции: графство Ниццское отойдет к Франции, а герцогство Савойское — к Франции или Швейцарии; именно по этой причине он еще в 1795 г. пытается на всякий случай подготовить условия для вхождения этого последнего в Гельветическую конфедерацию⁶⁷.

Впрочем, сегодняшние читатели, желающие понять истинное содержание его писаний и, в частности, его геополитических спекуляций, должны помнить о том, что тогдашний международный контекст радикально отличался от нынешнего. Конечно, Местр согласен использовать итальянское национальное движение, воспеваемое Мандзони и другими романтиками, постольку, поскольку его можно поставить на пользу династическим интересам его государей, однако он ни на минуту не допускает мысли об объединении в одно государство всего итальянского полуострова. Для него, как, впрочем, несколькими десятками лет позже для таких политиков, как Кавур или Ратацци⁶⁸, — до тех пор пока восстания, происшедшие зимой 1860 г. в герцогствах Пармском, Моденском и Тосканском и в папских владениях в Романье, не заставили взглянуть на дело иначе, — итальянское единство остается делом, касающимся только жителей северной части Апеннинского полуострова, не южнее Пизы и Флоренции. Ибо для неопаписта, апостола римской традиционной иерократии, не может идти и речи о том, чтобы покуситься на политическую целостность Папского государства или южного Коро-

левства обеих Сицилий, где престол занимает неаполитанская ветвь испанских Бурбонов, в глазах Местра столь же легитимная⁶⁹.

Местр как уроженец Альп хранит верность старинным представлениям, согласно которым возвышение дорогого его сердцу Савойского дома основывается прежде всего на его выгодном расположении альпийского «привратника». Эти стратегические соображения, совпадавшие с теоретическими принципами Местра – уважением к тронам, узаконенным историей, – носили глубоко реалистический и прагматический характер, однако хитроумные пропагандисты единой Италии, понятой в расширительном толковании Джузеппе Гарибальди, не преминули взять их на вооружение и основательно расширить границы их применения, дабы превратить в дополнительную литературную опору для осуществляемого ими «национального освобождения». В последние годы существования Савойского государства туринское правительство вдруг и с большим запозданием проявило интерес к дипломатическим идеям Жозефа де Местра, и в результате он, как ни парадоксально, сделался на короткое время опорой для честолюбивых либералов, борющихся за создание Итальянского королевства с бывшим сардинским королем на престоле, а когда эта задача была выполнена, Местр вновь ушел в тень и в нем опять стали видеть не более чем «пророка минувшего».

Сложное политическое положение Савойского государства накануне его исчезновения

В 1848 г. в Европе, еще пахнувшей порохом, Карл Альберт Савойский-Кариньян, бывший карбонарий и либерал, в 1821 г. незадачливый заговорщик⁷⁰, а в 1831 г. ставший королем Сардинии после смерти своего кузена Карла Феликса, пресекшей старшую ветвь династии, дарует своим подданным конституцию, составленную по образцу французской хартии 1830 г. и устанавливающую в его владениях двухпалатный парламентский режим классического образца⁷¹.

В Пьемонте полным ходом шла индустриальная революция, причем особенно способствовало процветанию континентальных провинций присоединение к Сардинскому королевству Генуи с ее удобным глубоководным портом (плод дипломатических переговоров 1814–1815 гг.). Между тем демократизация режима вкупе с возвышением динамичной деловой буржуазии лишь ускоряла

размежевание между подданными (по преимуществу франкоязычными) провинций с западной стороны Альп и их соотечественниками с другой стороны гор, италоязычных, за исключением жителей Ниццы и долины Аоста, которые нарушали стройную бинарную схему лингвистического и культурного антагонизма между частями королевства, располагающимися по разные стороны Альпийского горного массива⁷². Равновесие между территориями оказывалось крайне хрупким, особенно если учесть, что наступила эпоха, когда национальная чувствительность обострилась до предела, а депутаты обеих палат парламента получили после принятия конституции законное право высказывать претензии своих избирателей, недовольных тем, что туринское правительство возвышает одни провинции в ущерб другим. Этот вечный антагонизм, огорчавший уже Жозефа де Местра, который оплакивал бессмысленную «палкократию»⁷³ «пьемонтских солдафонов»⁷⁴, орудовавших в Савойе, с годами сделался только сильнее благодаря подбору административных кадров, как правило, сталкивавшему в стенах одного департамента выходцев из противоположных провинций королевства.

Длительное сосуществование при взаимном незнании друг друга оказалось даже более губительным, чем реальные конфликты между двумя группами населения, проживавшими по разные стороны горного хребта внутри одного континентального государственного образования, и постепенно привело жителей западных провинций к уверенности в том, что расставание неизбежно. Все слои общества, за исключением старой легитимистской аристократии и горстки либералов, недовольных авторитаризмом французской Второй империи, осознали эту неизбежность разрыва особенно ясно после того, как туринское правительство отправило новобранцев из этих западных провинций участвовать в составе сардинской армии в далекой Крымской войне (1854–1856) и этим бедолагам пришлось вместо своих повседневных дел заниматься осадой Севастополя⁷⁵. Принесение в жертву многочисленных юношей из Савойи и Ниццы ради столь экзотической цели оказалось выше понимания их земляков. Как и предсказывал граф де Местр своему государю еще в эпоху Реставрации, жители этих провинций обратили свои взоры в сторону Франции с тем большей надеждой, что с Пьемонтом их по-прежнему связывали только опасные горные дороги, зимой зачастую непроходимые из-за снежных заносов. Конечно, Фрежюсский железнодорожный туннель под горным массивом Мон-Сени, задуманный с легкой руки Кавура,

дал бы эмблематичное и современное решение этой географической проблемы, однако строительство, с трудом начатое в 1857 г., закончилось лишь в 1871 г., когда Лазурный берег был уже для Италии безвозвратно потерян⁷⁶.

Правда, в 1814 г., когда вся Европа наслаждалась вновь обретенным миром, население Ниццы и Савойи, утомленное войной и бесконечными реквизициями, восприняло перспективу вновь возвратиться под власть своего государя после двадцатидвухлетнего существования в составе Франции с немалым воодушевлением⁷⁷. Однако это радостное чувство очень скоро сменилось разочарованием — к великому неудовольствию Жозефа де Местра, который, вернувшись в 1821 г. в Турин, с горечью убедился в контрпродуктивном характере введенного Виктором Эммануилом I полицейского режима, основанного на бессмысленной централизации и мелочных придирках и вскоре ставшего предметом ненависти народа, окрестившего его со злой иронией «Добрый правлением» (*buon governo*)⁷⁸. Предсказания полномочного посланника Сардинского королевства в Санкт-Петербурге сбылись: предпринятая участниками Венского конгресса попытка воскресить государство по обе стороны Альп, терпеливо выстроенное некогда Савойским домом, в том же самом виде, в каком оно существовало до Революции, была обречена на провал. Общественное мнение западных провинций склонялось к отделению еще за четверть века до 1848 г., а после этой даты у обитателей Савойи и Ниццы не осталось сомнений. Идеологическая эволюция туринского правительства, которое стало придерживаться откровенно либеральной и светской политики, была неприемлема для савойских нотаблей, в основном настроенных консервативно и всегда готовых заразить своими оппозиционными чувствами крестьянскую массу — жителей долин, в политическом отношении весьма неразвитых⁷⁹.

Столь резкий поворот способен удивить современного наблюдателя, незнакомого с подробностями сложной истории Савойского дома. В эпоху Реставрации в недавно восстановленных герцогстве Савойском и графстве Ниццском за сохранение французского порядка (плода революционных и имперских преобразований) выступали только биржевые игроки и редкие поклонники павшей Империи: им импонировали гарантии, содержащиеся в преамбуле к Хартии, которую 4 июня 1814 г. даровал своим подданным Людовик XVIII, стремившийся к национальному примирению⁸⁰. Напротив, консервативные католические массы, состоявшие из аристократии и

старинной буржуазии, с облегчением приветствовали возвращение к старым порядкам, которое горячо сулил им Виктор Эммануил I; массам были неизвестны предупреждения, которые адресовал королю некто Жозеф де Местр, впавший в немилость оттого, что указывал властям на серьезную политическую ошибку, от совершения которой, однако, не мог их удержать⁸¹. И вдруг в середине века соотношение сил, остававшееся неизменным в течение почти сорока лет, меняется на противоположное и в Турине, и в Париже. Вследствие либерализации политического режима в Сардинском королевстве в ряды непримиримой парламентской оппозиции переходят консерваторы, возражающие против антиклерикальных мер пьемонтского правительства; теперь уже не кто иной, как они, желают сближения с Францией, где при Второй империи укрепление монархической власти сопровождается официальной защитой прав Церкви⁸².

Неслыханное дело: в Париже Наполеон III, запятнавший себя государственным переворотом 2 декабря 1851 г., испытывает потребность заручиться поддержкой «католической партии», а в то же самое время на западе королевства Сардинии горстка мелких буржуа из торговых городков и значительное число образованных юношей с университетским образованием, открытые для космополитического влияния иностранцев, приезжающих отдохнуть на Лазурном берегу, у источников минеральных вод или вблизи альпийских «ледников»⁸³, противопоставляют себя традиционным сельским элитам и выступают — впрочем, без большого успеха — в пользу туринских проектов расширения территории королевства за счет итальянских территорий, причем расширенное это королевство в их мечтах предстает землей обетованной либерального парламентаризма. Поэтому летом 1858 г., после того как во время тайной встречи с Наполеоном III в Пломбьер-ле-Бене Кавуру удастся обговорить с императором французов условия уступки Франции провинций Ницца и Савойя в обмен на военную помощь, которая позволит изгнать австрийцев с севера Апеннинского полуострова, противоречия между этими разными партиями в названных провинциях обостряются до предела⁸⁴. Однако судьба Ниццы и Савойи была уже решена. Хотя Кавур, разочарованный сепаратным перемирием французов с австрийцами в Виллафранке и на время оставивший политическую сцену, попытался в начале 1860 г. переиграть своего взбалмошного партнера по переговорам и добился разрешения спросить мнения жителей Ниццы и Савойи, в надежде привлечь общественное мнение на свою сторону

и сохранить в числе владений Савойского дома хотя бы «прекрасную Ниццу» (Nizza la Bella), старания его остались безуспешными⁸⁵.

Но какое отношение имеют все эти обстоятельства к посмертной судьбе Жозефа де Местра? Конечно, полвека назад, пребывая на дипломатической службе в разных городах, от Лозанны до Петербурга, он исписал много страниц, на которых неоднократно предупреждал своего государя о том, что рано или поздно Сардинскому королевству придется уступить Савойю («малую родину» сардинского посланника в России) Франции; но страницы эти уже давно были отправлены в архив. Все дело в том, что именно в напряженной политической обстановке, когда шла борьба за объединение Италии, эта дипломатическая корреспонденция вышла из тени, хотя сам автор не включал ее в состав своего литературного творчества и не считал достойной позднейшей публикации. Провидение, к которому так часто апеллировал Жозеф де Местр в своих сочинениях, судило иначе и позволило авантюристу из Шамбери, честолюбивому и лишенному средств к существованию, взять на вооружение идеи своего прославленного земляка, стать одним из его первых биографов, вовремя войти в доверие к Франсуа Бюлозу, другому прославленному уроженцу Савойи, и, таким непростым способом обратив на себя внимание Кавура, сделать блестящую дипломатическую карьеру.

*Жозеф де Местр как авторитетный покровитель
либеральных борцов за объединение Италии*

В противоположность тому, что утверждает Жан Заганиарис, введенный в заблуждение посвящением к двухтомнику фрагментов из дипломатической переписки Местра периода Реставрации⁸⁶, который Альбер Блан составил в 1860–1861 гг., этот молодой уроженец Шамбери, выпускник Туринского университета и новоиспеченный доктор права⁸⁷, не получал от сардинского правительства и тем более лично от Кавура никакого заказа на составление биографии или публикацию наследия своего прославленного предшественника⁸⁸. Сын аптекаря, осиротевший в совсем юном возрасте, вознамерился сделать карьеру на государственной службе, но не желал продвигаться постепенно, медленно переходя с одной ступени на другую, а мечтал о стремительном возвышении, для которого ему, однако, недоставало связей; пленившись фигурой своего знаменитого земляка Жозефа де Местра, он

вознамерился повторить его путь, сделавшись не только литератором, но также и дипломатом, приближенным к политическому Олимпу⁸⁹. Кто посоветовал ему взяться сразу по окончании университета за составление подробной биографии дипломата, к этому времени основательно забытого, и познакомить читателей конца 1850-х годов с его пронизательными геополитическими анализами, которые в памяти потомков оказались полностью заслонены блестящими полемическими выпадами философа-провиденциалиста? Впоследствии, когда этот савойский интриган, франкмасон и сенсимонист сделал блестящую карьеру и получил титул барона, он не был склонен распространяться на этот счет. Однако, сам ли он решил заняться дипломатическими донесениями Местра или заимствовал эту идею у неназванного третьего лица, факт остается фактом: благодаря публикации бумаг из государственного туринского архива перед читателями предстал мыслитель, решительно несхожий с теоретиком контрреволюции, идеалом французских правых традиционалистов-клерикалов.

Идя наперекор уже прочно сложившимся стереотипам в отношении к Местру, Блан рисует на основании архивных бумаг фигуру дипломата, отличающегося замечательной гибкостью и готового, несмотря на всю свою франкофонию и франкофилию, поддержать Савойский дом в его планах касательно итальянских земель. Опровергая убийственное определение Местра как пророка минувшего, бездумно повторяемое Барбе д'Оревиий и Ламартином⁹⁰, он рисует настоящего пророка от дипломатии, причем пророка, который, как ему и полагается, смотрит в будущее, так что, прислушайся его государь пятьюдесятью годами раньше к рекомендациям своего посланника в Санкт-Петербурге, он бы сыграл в Европе эпохи Реставрации роль куда более значительную, чем та, которую не без снисходительности отвели ему участники Венского конгресса. При этом следует подчеркнуть, что ничто в донесениях Местра не позволяет увидеть в нем либерала в том смысле, какой вкладывали в это понятие в XIX в., то есть сторонника полноценного парламентского режима. Дипломатические депеши, сочиненные полномочным посланником в Санкт-Петербурге, не содержат ни малейшей критики тех традиционных монархических режимов, которые он превознес в своих теоретических трактатах. Более того, не слишком важно, что его рассуждения относительно итальянских планов Савойского дома были подняты на щит туринским правительством в ту пору, когда в Сардинском королевстве установился парламентский режим и к власти

пришли люди с либеральными симпатиями. Гораздо важнее другое: независимо от тогдашнего соотношения политических сил в Турине, обнаружение забытых суждений Местра оказалось превосходным способом оправдать и узаконить наступательную дипломатическую стратегию, избранную сначала, в 1848–1849 гг., Карлом Альбертом, а затем пошедшим по его стопам Виктором Эммануилом II⁹¹. Вдобавок, изображая Жозефа де Местра непризнанным гением и образцовым романтическим героем, Альбер Блан ловко демонстрировал Европе, какими великими умами обязана она маленькому Сардинскому королевству, и тем самым доказывал, что королевство это достойно лучшей судьбы.

Блан стремился исправить несправедливость, допущенную потомками по отношению к своему земляку (ибо кто в Сардинском королевстве в 1860 г. вспомнил бы о Жозефе де Местре, если бы не публикации Блана?), но в первую очередь он, хотя и не подавал виду, заботился о собственной судьбе и собственной литературной славе. Благодаря избранному им герою он сумел войти в контакт с Франсуа Бюлозом⁹², великим творцом и погубителем репутаций в тогдашней франкоязычной литературе. Эмигрировавший во Францию в конце 1810-х годов, но всегда, точно так же, как Местр и его биограф, помнивший о своем савойском происхождении⁹³, грозный издатель «Ревю де Де Монд» ежегодно приезжал в родные края и проводил лето в своем имении Ронжу в окрестностях Шамбери, откуда вел регулярную переписку с Кавуром, с которым подружился еще в юности и с которым открыто разделял либеральные убеждения. Как мы видим, путь Альберу Блану предстоял неблизкий. Чтобы заинтересовать графа ди Кавура, не удостоившего вниманием честолюбивого юношу в тот вечер, когда ему однажды мимоходом представили его на одном из приемов, Альберу Блану пришлось прибегнуть к помощи Бюлоза; дорога в Турин пролегла через Париж, а путь в Париж открывался из безвестной савойской деревушки Мотт-Серволекс⁹⁴. Альбер Блан хорошо понял все это и, несмотря на жгучее желание поскорее получить результаты и немалую тревогу касательно своего ближайшего будущего⁹⁵, терзавшую его весной и летом 1859 г., тщательно продумал свой план, который стал сбываться в точном соответствии с макиавеллическими намерениями автора. Публикация «Политических записок и дипломатической корреспонденции Жозефа де Местра» в самом деле произвела на Бюлоза, которому составитель не преминул преподнести в 1858 г. один из полутора тысяч экземпляров первого

издания, самое благоприятное впечатление⁹⁶. Новый покровитель не только свел Блана с издателем Леви, готовым издать на выгодных для составителя условиях два тома дипломатической переписки Местра Санкт-петербургского периода, уже готовые к печати, но и взял его в штатные сотрудники журнала, а главное, представил Кавуру, ввел в великосветские салоны и отправил в Турин с заданием информировать французскую публику о состоянии общественного мнения в пьемонтской столице Сардинского государства в течение тех месяцев, когда окончательно решалась судьба единой Италии.

Следует отметить, что в период интенсивных дипломатических переговоров о передаче Ниццы и Савойи Франции «Ревю де Де Монд» неизменно выступал за сохранение этих альпийских провинций в составе Сардинского королевства. Франсуа Бюлоз заказывает Альберу Блану две большие статьи⁹⁷, а осенью 1859 г. уговаривает новоявленного сотрудника, готового услужить покровителю, опубликовать под своим именем брошюру против аннексии⁹⁸. Брошюра эта, «Савойя и конституционная монархия», изданная за счет автора, хотя и не повлияла на развитие событий и не сумела противостоять активной профранцузской пропаганде, которая велась в Ницце и Савойе в ожидании плебисцита, проведенного, согласно Туринскому договору от 24 марта 1860 г., соответственно 15–16 апреля и 22–23 апреля того же года, принесла пользу автору: она наконец заставила Кавура, временно отстранившегося от дел, но втайне продолжавшего готовить великое дело объединения Италии, обратить благосклонное внимание на молодого публициста⁹⁹. 16 января 1860 г. вновь возглавив кабинет министров, Кавур отправляет его в Савойю, чтобы он возглавил там Комитет патриотической инициативы, разумеется, враждебный аннексии, а затем, после объявления результата двух вышеупомянутых плебисцитов, которые не стали неожиданностью, назначает его секретарем сардинской миссии в Париже. Мечты биографа Жозефа де Местра наконец начинают сбываться. Несмотря на нескончаемый поток дел, он все-таки сохраняет достаточно здравомыслия, чтобы понять, как важно для него упрочить неформальную позицию преданного советника и закрепить за собой место в окружении своего нового покровителя, окружении, составленном по преимуществу из личностей довольно сомнительных¹⁰⁰. С этой целью, а также для того, чтобы навсегда прослыть в туринском светском мире законченным интеллектуалом, он в конце 1860 г., в тот самый момент, когда в последних австрийских владениях долины По происходят восстания и

завершается первая фаза объединения Италии, прилагает все усилия для скорейшей публикации двухтомника дипломатической корреспонденции Местра, наполненной соображениями об итальянских перспективах Савойского дома и способной, несмотря на то что она сочинена полвека назад, в 1811–1817 гг., легитимировать энергичную деятельность Кавура.

После 6 июня 1861 г., когда отец новой итальянской нации «папа Камилло» безвременно уходит из жизни, успев все же увидеть плод своих десятилетних усилий, Альбер Блан принимает активнейшее участие в создании культа этого политика, которому сам был обязан всем¹⁰¹, но главной целью его усилий становится собственная политическая карьера. Выступавший против присоединения родной провинции к Франции, он сразу после создания в марте 1861 г. Итальянского королевства становится одним из самых активных его подданных. Незадолго до этого он, не боясь прослыть неблагодарным, успевает довольно резко порвать с Бюлозом, дружба с которым сделалась уже бесполезной, чтобы не сказать опасной¹⁰². В самом деле, во второй половине века, ставшего веком торжествующих наций, и тем более в королевстве, где, согласно знаменитому афоризму маркиза д'Азельо, насущная задача состояла в том, чтобы как можно скорее «создать итальянцев»¹⁰³, одно только подозрение в сотрудничестве с иностранцами могло погубить любого политика. Альбер Блан этой опасности избежал. В 1869 г. он получает назначение на пост генерального секретаря министерства иностранных дел. В 1870–1881 гг. служит послом Итальянского королевства в Мадриде, Брюсселе, Вашингтоне и Мюнхене. Возведенный в баронское достоинство, в 1893 г. он наконец получает вожделенный портфель министра иностранных дел; в эту пору он уже не имеет ни времени, ни желания возвращаться к своим первоначальным биографическим штудиям и заниматься наследием своего земляка Жозефа де Местра, ставшим отправной точкой его блистательной карьеры¹⁰⁴.

Сегодня, когда от «достопамятных событий»¹⁰⁵ нас отделяет достаточно много лет, совершенно очевидно, что Альбер Блан использовал дипломатическую переписку своего героя в собственных целях, нарушая все разумные пределы и даже нормы интеллектуальной порядочности. Он старался не только обеспечить авторитетную поддержку итальянской политике, которую вело туринское правительство после 1848 г., но еще и убедить своих потенциальных савойских читателей в том, что самый прославленный из их земля-

ков в «промежуточную эпоху» Революции и Империи, когда уже ставился вопрос о будущем их родного края, остался верен своему сардинскому государю и этот политический выбор вовсе не привел его в тупик. Кроме того, нарисовав тенденциозный портрет Жозефа де Местра как мыслителя глубоко современного и прекрасно уживавшегося с парламентской и конституционной демократией, он опроверг стереотипные представления о Савойе как крае, населенном по преимуществу юными трубочистами, шарманщиками с сурками или, хуже того, альпийскими крестинами, и доказал, что интеллектуальная жизнь Савойи в XIX в., несмотря на все превратности политической судьбы этого края, вовсе не сводилась к конформизму, граничащему со слабоумием.

Как бы там ни было, авантюристу-либералу следует поставить в заслугу тот факт, что он первым попытался внести новые краски в тот портрет Жозефа де Местра, который был нарисован его поклонниками из числа католиков-ультрароялистов, и, более того, предпринял попытку рассмотреть его профессиональную деятельность и верную службу Савойскому дому, а тем самым напомнил, насколько важен этот контекст для понимания его жизненного пути. Шамберийские преемники Альбера Блана, прежде всего Франсуа Декот, который, впрочем, был не столько биографом, сколько агиографом, да и действовал в совсем иной обстановке, накануне Первой мировой войны и в пору триумфа республиканского патриотизма, не продолжили дело, начатое публикатором дипломатической переписки Местра, и не захотели видеть в сардинском посланнике в Санкт-Петербурге гибкого дипломата и мыслителя-космополита; они противопоставили этому образу другой, в наши дни кажущийся весьма недостоверным, – образ «бессознательного француза»¹⁰⁶ или человека, который восхищается Парижем «на манер тех, кто, не бывавши никогда в этом городе, считает делом чести казаться большими парижанами, чем сами парижские жители»¹⁰⁷. В отличие от савояров 1860 г., не ведавших, что такое савойско-сардинская национальная идентичность, ибо Сардинскому королевству идеология такого типа была решительно чужда, их правопреемники конца века полностью сжились с идеалом Великой нации и защищали его с тем большим пылом, что им требовалось представить убедительные доказательства своей полной ассимиляции и истребить в умах новых соотечественников любые сомнения в искренности их недавней натурализации. Если Альбер Блан, будущий государственный деятель Итальянского королевства, был

склонен представлять Жозефа де Местра пропагандистом италянизации, то Франсуа Декот, сторонник французского парламентаризма, неутомимый певец присоединения Савойи к Франции, глава движения савойских католиков за поддержку светской республики, стремился вывести на первый план французскую составляющую души своего героя-савояра. Каждый из биографов, таким образом, выделял в местровских рассуждениях то, что могло послужить подтверждением и оправданием его собственных идей и взглядов.

Эти колебания доказывают, как сильно восприятие наследия Местра в его родном крае зависело от хода истории в век становления европейских наций и как это наследие использовалось его земляками для удовлетворения ущемленной национальной гордости. Очень соблазнительно в наши дни, когда со времени создания современной единой Италии и присоединения графства Ниццкого и герцогства Савойского к Франции прошло ровно полтора столетия, вспомнить о том, как один из активных борцов за объединение Италии увидел в Местре не привычную фигуру дипломата, чья деятельность давно стала достоянием истории, не салонного говоруна и надменного философа, но автора, чьи писания жгуче современны. Мы, разумеется, не обязаны разделять все, зачастую сильно преувеличенные выводы, которые в 1858–1861 гг. сделал из сочинений Жозефа де Местра Альбер Блан, однако мы не можем не признать, что его парадоксальная трактовка, как бы удивительно она ни звучала для читателя, мало осведомленного в бурной истории малой альпийской родины сардинского посла в Санкт-Петербурге, лучше других раскрывает ускользающее содержание местровского жизненного пути. Нельзя не согласиться с Жаном Заганиарисом, точку зрения которого автор настоящей работы, несмотря на мелкие фактические несогласия, полностью разделяет в целом: «Главное не в том, чтобы предложить правильное прочтение сочинений Жозефа де Местра, но в том, чтобы попытаться понять, как читали и истолковывали этого автора до того, как в нем стали видеть предшественника тоталитаризма»¹⁰⁸.

¹ Разумеется, говоря о полемике с тезисом о связи местровской философии с тоталитаризмом, следует отметить пионерскую роль Жана-Луи Дарселя. Работы, которые он с завидной регулярностью выпускал на протяжении всей своей университетской карьеры и которые были посвящены почти исключительно

но савойскому философу, позволили в последние десятилетия XX в., особенно во Франции, иначе оценить наследие Местра, скомпрометированное столько же его ревностными поклонниками из числа крайне правых, сколько и их принципиальными противниками, прежде всего Робером Триумфом и Исайей Берлином, и расчистить почву для новых трактовок, предложенных Жан-Ивом Праншером или Жаном Заганиарисом.

² Jean Zaganariaris, «Réflexions sur une 'intimité': Joseph de Maistre et Carl Schmitt», *L'Homme et la société. Revue internationale de recherche et de synthèse en sciences sociales*, 2001/2–3, n° 140–141, Paris, L'Harmattan, 2001, 242 p., pp. 147–167; «Des origines du totalitarisme aux apories des démocraties libérales: interprétations et usages de la pensée de Joseph de Maistre par Isaiah Berlin», *Revue française de science politique*, 2004/6, Vol. 54, Paris, Presses de Sciences Po, 2004, 206 p., pp. 981–1004; «Joseph de Maistre est-il aux origines des doctrines totalitaires?», *Joseph de Maistre. (Dossier conçu et dirigé par Philippe Barthelet)*, Lausanne, Les Dossiers H, L'Age d'Homme, 2005, 878 p., pp. 800–803; «Conflits d'interprétation ou usages multiples de la pensée maistrienne. Sur les origines des doctrines totalitaires», *Rencontres autour de Joseph de Maistre. Thonon-les-Bains, 29–30 septembre 2006*, Thonon-les-Bains – Chambéry, Académie Chablaisienne – Université de Savoie, Documents d'Histoire savoyarde, Vol. III, 2009, 181 p., pp. 57–80; «Qu'est-ce que les 'Contre-Lumières'?», *Raisons politiques. Études de Pensée politique*, 2009/3, n° 35, Paris, Presses de Sciences Po, 2009, 228 p., pp. 167–183.

³ Jean Zaganariaris, *Spectres contre-révolutionnaires. Interprétations et usages de la pensée de Joseph de Maistre. XIXe–XXe siècles*, Paris, Ouverture Philosophique, L'Harmattan, 2005, 285 p.

⁴ Начиная с конца XIX в. эта формула превратилась под пером многочисленных биографов в настоящую риторическую фигуру. Характерно, что она повторяется дословно в двух работах, вышедших с промежутком в целую сотню лет: Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, Paris, Félix Alcan éditeur, 1900, 363 p., p. 20–21; Franck Lafage, *Le comte Joseph de Maistre (1753–1821). Itinéraire intellectuel d'un théologien de la politique*, Paris, Chemins de la Mémoire, L'Harmattan, 1998, 280 p., p. 52.

⁵ «Письмо о Неккере проливает свет на убеждения Местра накануне Революции. Тогдашний магистрат еще очень далек от эмигранта, который, подобно мольеровскому Альцесту, отвергает все главные увлечения своего века. Конечно, при случае он уже подвергает критике своих современников, однако основные их требования он разделяет и гордится своей солидарностью с "общественным мнением", чью силу он только что открыл. [...] Идеал Местра накануне Революции – это, вне всякого сомнения, парламентская монархия, где правитель исполняет преимущественно церемониальные функции, но при этом остается

предметом поклонения толпы» (Robert Triomphe, *Joseph de Maistre. Étude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique*, Genève, Droz, Travaux d'Histoire éthico-politique, n° XIV, 1968, 637 p., p. 122 et 129).

⁶ «По правде говоря, интеллектуальные превращения никогда не бывают абсолютными. Одну силу или, вернее, один могучий рычаг Революция у Местра не отняла, а, напротив, сделала еще мощнее: это честолюбие. Еще в спокойные времена Старого порядка он втайне ожидал какого-либо события, которое внезапно обогатит его, избавит от судейской рутинны и от повседневных обязанностей, поможет воплотить все мечты и осуществить все чаяния. [...] Еще с 1785 года Местр ожидал событий, которые позволят ему «взорваться», а потом взлететь высоко, подобно воздушному шару» (*ibid.*, p. 131–132).

⁷ Joseph de Maistre, «A M. le Chevalier de Maistre. Saint-Petersbourg, 14 février 1805», *Œuvres complètes de J. de Maistre. Nouvelle édition contenant ses Œuvres posthumes et toute sa Correspondance inédite*, Lyon, Vitte et Pérussel Éditeurs-Imprimeurs, t. IX – Correspondance I, 20 février 1796 – 30 décembre 1805, 1884, 519 p., p. 332.

⁸ Жан-Луи Дарсель последовательно, во многих своих работах опровергал обвинения в холодном макиавеллизме и оппортунизме, которые с 1955 г. предъявлял Жозефу де Местру Робер Триомф, утверждавший, что единственной целью Местра всегда был личный успех и ничего более. Однако наиболее четко Дарсель выразил свою позицию в докладе на конференции, устроенной Савойским университетом по случаю двухсотлетней годовщины Великой французской революции: «Жизненный путь Жозефа де Местра с 1780 по 1789 год бесспорно отличается логичностью и последовательностью. Если он становится контрреволюционером, то не вследствие внезапной перемены взглядов, разочарования в революции, коротко говоря, «обращения» (на чем настаивали некоторые ученые). Если он занимает позицию, враждебную по отношению к Революции, то лишь потому, что эта позиция отвечает его глубинным убеждениям, вырастающим из его религиозной и интеллектуальной культуры, из его образования и судейской практики» (Jean-Louis Darcel, «Pourquoi Joseph de Maistre est-il devenu contre-révolutionnaire?», *La Révolution française dans le duché de Savoie. Permanences et changements (Rencontres à l'Université de Savoie, du 14 mars 1989)*, Chambéry, Association pour le Développement de l'Université de Savoie, 1989, 221 p., pp. 140–154, p. 154).

⁹ См., в частности: Pierre Chaunu, *La civilisation de l'Europe des Lumières*, Paris, Champs Histoire, Flammarion, n° 116, 2010, 424 p. (последнее расширенное переиздание работы 1971 г.), pp. 132–264.

¹⁰ См. незавершенную записку 1788 г. под названием «Парламенты Франции» (Савойский архив, 2J–11, стопка нумерованных документов разных лет). Этот

текст был частично опубликован в кн.: Clément de Paillette, *La politique de Joseph de Maistre d'après ses premiers écrits. Mémoire contenant plusieurs lettres et fragments inédits*, Paris, Alphonse Picard & fils Éditeurs, 1895, 89 p., pp. 11–17 и полностью в: Jean-Louis Darcel, *Études et documents, Revue des études maistriennes*, n° 11, Paris, Les Belles Lettres, 1990, 149 p., pp. 70–73. Более подробно об отношении Жозефа де Местра к «парламентской проблеме», чрезвычайно популярной в то время в самых широких кругах просвещенных юристов-реформаторов разных европейских стран, см. также: Jean-Louis Darcel, «Pourquoi Joseph de Maistre est-il devenu contre-révolutionnaire?», *op. cit.*, pp. 149–152; Bruno Berthier, «Réflexion sur les États de Savoie ou propédeutique politique d'un jeune magistrat savoyard», *Joseph de Maistre acteur et penseur du politique. Varia (Actes du colloque de Chambéry des 16–28 avril 2001)*, *Revue des études maistriennes*, n° 14, Paris, Honoré Champion éditeur, 2004, 500 p., pp. 15–122, pp. 100–106.

¹¹ О «просвещенном авторитаризме» см. классическую работу: François Bluche, *Le despotisme éclairé*, Paris, Pluriel, Hachette, 2000, 388 p. (последнее дополненное издание книги, вышедшей впервые в 1969 г.); см. также: Jean Meyer, *Le Despotisme éclairé*, Paris, «Que sais-je?», n° 2586, PUF, 1991, 128 p.

¹² О параллели между Местром как магистратом-реформатором Старого порядка и Монтескье см.: Bruno Berthier, «Les liens du procédé argumentaire maistrien avec la logique rhétorique des sciences juridiques: hypothèses de recherches», *Rencontres autour de Joseph de Maistre [...]*, *op. cit.*, pp. 117–163, p. 117–123 et 126–130.

¹³ «Оригинальность Жозефа де Местра дореволюционного периода заключается в том, что он ищет компромисс между традицией и современностью, верностью прошлому и приспособлением к настоящему, консерватизмом и реформаторством. Позиция, разумеется, неудобная и вызывающая недоверие власть имущих в любую эпоху. Лишь когда Революция сделает невозможными поиски равновесия между старым и новым, он – не без внутренних мучений – примет сторону «власти против просвещения» (Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre. Parcours d'une vie», *Rencontres autour de Joseph de Maistre [...]*, *op. cit.*, pp. 13–28, p. 19).

¹⁴ «Наше исследование, которое мы старались производить с максимальной объективностью, неопровержимо доказывает, насколько неточен традиционный портрет Местра; он в гораздо большей степени ученик Монтескье, нежели апологет абсолютной монархии, инквизиции и обскурантизма» (Francis Bayle, *Les idées politiques de Joseph de Maistre*, Paris, Éditions Domat Montchrestien, 1945, 168 p., p. 154). О том, как строился после Революции миф о Монтескье-либерале, и о том, как сложно анализировать неоднозначную политическую теорию автора «Духа законов», оказывающегося при беспристрастном рассмотрении не столько сторонником ограниченной монархии парламентского типа, за какую ратовали

настоящие либералы XIX в., сколько адептом ограничения монархии с помощью едва ли не средневековых методов, в частности, за счет возрастания политической роли сословий и корпораций, занимающих промежуточную позицию между государем и народом, см., например: Antoine Compagnon, *Les antimodernes, de Joseph de Maistre à Roland Barthes*, Paris, Bibliothèque des Idées, NRF, Éditions Gallimard, 2005, 464 p., pp. 25–30. Более полную библиографию этого вопроса см.: Bruno Berthier, «Les liens du procédé argumentaire maistrien avec la logique rhétorique des sciences juridiques [...]», *op. cit.*, p. 127.

¹⁵ Официально – то есть в печатном тексте – это неодобрительное определение законов или установлений как «готических» (вообще говоря, широко распространенное в либеральной и реформаторской прозе последних предреволюционных лет) впервые появляется у Местра в «похвальном слове» 1775 г. См.: Joseph de Maistre, *Éloge de Victor-Amédée III, Duc de Savoie, Roi de Sardaigne, de Chypre et de Jérusalem, Prince de Piémont, &C.*, Chambéry (sans référence d'éditeur), 1775, 71 p., p. 39.

¹⁶ Об античных источниках местровской теории см.: Jean-Louis Darcel, «1 – Les bibliothèques de Joseph de Maistre. 1768–1821», *Joseph de Maistre et les livres, Revue des études maistriennes*, n° 9, Paris, Les Belles Lettres, 1985, 213 p., pp. 5–125 (достаточно внимательно просмотреть каталоги обоих книжных собраний Местра, чтобы оценить, какое значительное место занимали в них греческие мыслители и их латинские продолжатели из числа стоиков; см. в этой связи pp. 42–98 и 104–119); Richard Lebrun, «2 – Les lectures de Joseph de Maistre d'après les registres inédits», *loc. cit.*, pp. 126–213 (см. особенно l'Appendice A: l'index des auteurs et des renvois, pp. 149–191). О влиянии Цицерона (а значит, и Аристотеля) на местровскую философию и риторику см.: Bruno Berthier, «Les liens du procédé argumentaire maistrien avec la logique rhétorique des sciences juridiques [...]», *op. cit.*, p. 158, note 1.

¹⁷ Правда, нельзя не отметить, что Заганиарис не слишком хорошо разбирается в подробностях сложной истории Сардинского королевства, начавшего свою континентальную жизнь в 1718 г., а в 1814–1815 гг. искусственно возрожденного участниками Венского конгресса в том виде, в каком оно существовало до 1792 г., с той лишь разницей, что в его состав была включена Генуя. Оплошности эти, впрочем, простительны и не мешают ему довольно точно анализировать различные прочтения наследия Местра, в частности точку зрения Альбера Блана; тем не менее в книге его встречаются некоторые формулировки, с которыми историк старинных сардинских установлений согласиться никак не может. См. подробнее ниже, примеч. 43.

¹⁸ Местр не ладил уже с Виктором Амедем III, а затем с Карлом Эммануилом IV, занимавшим престол до 1802 г., что же касается Виктора Эммануила I,

то история его отношений с Местром с 1802 до 1821 г. – это история взаимного непонимания, а зачастую и раздражения. Та реставрация патерналистского административного режима и полицейского государства, которую «Король сурков» (прозвище, которым наградили его подданные) осуществлял после 1814 г., казалась полномочному посланнику Сардинского королевства в Санкт-Петербурге анахронизмом; режим, иронически нареченный «добрым правлением» («buon governo»), вызывал у Местра плохо скрываемое негодование.

¹⁹ Albert Blanc, *Mémoires politiques et Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. Avec explications et commentaires historiques par Albert Blanc, docteur en droit de l'Université de Turin*, Paris, Librairie Nouvelle, 1858, 402 p.; Albert Blanc, *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. 1811–1817*. Recueillie et publiée par Albert Blanc, Paris, Michel Lévy frères libraires-éditeurs, 2 vol., 1861, VIII + 407 p. et 388 p.

²⁰ Впрочем, намного ли лучше она известна в наши дни? Да и какое отношение чисто политическая профессиональная переписка может иметь к литературе, даже если автор ее регулярно демонстрирует в своих дипломатических депешах образцы виртуозного словесного мастерства и то и дело ухитряется вставлять в свои длинные фразы бесчисленные философские ремарки, словно заимствованные из его же метаполитических сочинений?

²¹ «Скончался проповедник старинных учений, Пророк минувшего. [...] Да славится в веках имя этого прекрасного гения!» (Pierre-Simon Ballanche, *Essais de Palingénésie sociale*, Paris, Imprimerie Jules Didot Aîné, Tome Premier. Prolégomènes, 1827, 278 p., p. 204).

²² Жан Заганиарис (*Spectres contre révolutionnaires [...]*, *op. cit.*, pp. 56–60) прекрасно показывает, какую бурную реакцию вызвал комментарий Альбера Блана к дипломатической переписке полномочного сардинского посланника в Санкт-Петербурге у таких людей, как Роже де Сезеваль или Мельхиор дю Лак; ср. возражения на эту прозу, заподозренную в «гарибальдизме», в кн.: Roger de Sezeval, *Joseph de Maistre: ses détracteurs, son génie*, Paris, Librairie Saint-Joseph, 1865, 290 p., pp. 98–120. Оба автора стремятся «восстановить подлинный облик Жозефа де Местра», а для этого во что бы то ни стало опровергнуть «ложные толкования», выдвинутые юным наглецом, дипломатическим представителем молодого Итальянского королевства (*op. cit.*, p. 56).

²³ François Descostes, *Joseph de Maistre avant la Révolution. Souvenirs de la société d'autrefois. 1753–1793*, Paris, Librairie Picard, 1893, 2 vol., 329 p. et 402 p., t. I, p. 3.

²⁴ *Spectres contre-révolutionnaires [...]*, *op. cit.*, pp. 61–70.

²⁵ См. краткую, но снабженную обильными библиографическими ссылками биографию неутомимого савойского пропагандиста творчества братьев

де Местров и хранителя памяти о них: Christian Sorrel, «Descostes famille», *Dictionnaire religieux de la France contemporaine. 8 – La Savoie* (Sous la direction de Christian Sorrel), Paris – Chambéry, Beauchesne – Institut d'Études savoisiennes, 1996, 442 p., pp. 156–158.

²⁶ О нездоровой политической атмосфере первых десятилетий XX в. в Савойе и о трагикомической шамберийской «Войне статуй», явившейся ее результатом, см.: Christian Sorrel (sous la direction de), *Histoire de Chambéry*, Toulouse, Univers de la France, Privat, 1992, 328 p., pp. 228–230; Gilbert Gardes, *Histoire monumentale des deux Savoie. Mémoire de la montagne*, Lyon, Édition Horvath, 1996, 391 p., pp. 29–33 et pp. 62–64. Дополнительные ссылки по теме см.: Bruno Berthier, «Joseph de Maistre et le pays natal ou l'histoire d'un malentendu», *Joseph de Maistre (Dossier conçu et dirigé par Philippe Barthelet)*, op. cit., pp. 68–92, p. 84 (notes 12 et 13).

²⁷ Памятник Местрам был открыт в 1899 г., а бронзовый силуэт Руссо – в 1910 г. Более подробно о возведении двух статуй, с самого начала сделавшихся символами города Шамбери, см.: Gilbert Gardes, *Histoire monumentale des deux Savoie*. [...], op. cit., pp. 204–207 et pp. 219–222.

²⁸ В самом деле, сколько читателей сегодня, в начале XXI в., способны понять смысл ремарки, брошенной более сотни лет назад безвестным биографом, почти неизвестным широкой публике: «С Жозефом де Местром случилось то же, что случается постоянно с другими авторами, очень знаменитыми, но очень плохо понятыми. Его цитируют, но не читают; его бранят или превозносят с чужих слов. Мы же хотим, чтобы читатели узнали его самого. [...] Мы тем больше надеемся на успех, что, хотя на счет Жозефа де Местра до сих пор распространяется много ложных слухов, публика больше не видит в нем то пугало, какое рисовали по злобе иные так называемые либералы. [...] Осуществленная в 1858 и 1860 годах господином Альбером Бланом публикация дипломатической переписки и политических “Записок” Жозефа де Местра в трех томах in-8° окончательно расположила читателей в пользу Жозефа де Местра, ибо познакомила их не только с человеком, супругом и отцом, но с пронзительным политиком и великодушным патриотом. После этого читателям не оставалось ничего другого, кроме как проникнуться любовью и уважением к тому, кем они прежде едва осмеливались восхищаться» (Matthieu-François-Adolphe-Mathurin de Lescure, *Le comte Joseph de Maistre et sa famille. 1753–1852. Études et portraits politiques et littéraires*, Paris, H. Chapelliez et Cie Libraires-éditeurs, 1892, 442 p., pp. 1–2).

²⁹ В этом уверен Жан-Луи Дарсель, посвятивший всю свою жизнь детальному анализу местровского творчества. По мнению Дарселя, Местр-писатель и Местр – политический деятель неотделимы один от другого: «Ибо Местр, в отличие от многих других писателей, писал не для того, чтобы быть опубликованным и признанным в качестве автора, и это делает его случай совершенно исключительным.

Ни вчерашние, ни сегодняшние читатели не являются главными адресатами его сочинений [...] мы ошибочно полагаем, будто они обращены к общественному мнению, то есть к нам, и основаны на негласном договоре, регулирующем отношения между автором и читателями. Между тем сочинения Жозефа де Местра – и я не единственный, кто это утверждает, – писаны в расчете на совсем иного читателя; они адресованы правителю, для которого он был, а точнее, хотел быть Ментором, будь то выборный главный магистрат Бернской республики Никлаус Фридрих фон Штайгер, или наследственный монарх Сардинии Виктор Амедей III, или самодержавный русский царь Александр I» (Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre. Parcours d'une vie», op. cit., p. 14).

³⁰ Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, Paris, Félix Alcan éditeur, 1901, 363 p.

³¹ Francis Bayle, *Les idées politiques de Joseph de Maistre*, op. cit., например pp. 50–52, 123–124 et 154–159.

³² Поль Гишонне, историк Савойи или, еще конкретнее, ее присоединения к Франции в 1860 г., неразрывно связанного с объединением Италии, не раз обращался в рассказе об интересующих его предметах к фигуре Жозефа де Местра. См., например, некоторые (но не все) из этих обращений: Paul Guichonnet, *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France et ses dossiers secrets*, Roanne – Annecy, Horvath – Le Messager, 1988, 354 p., p. 40 et suiv.; *Les Monts en feu. La guerre en Faucigny, 1793*, Annecy, Mémoires et Documents publiés par l'Académie Salésienne, T. 100, Académie Salésienne, 1994, 368 p., pp. 173–197; «Cinq lettres inédites de Joseph de Maistre», *Mélanges dédiés à la mémoire de Pierre Soudan* (Sous la direction de Paul Guichonnet et de Georgette Chevallier), Annecy, Mémoires et Documents publiés par l'Académie Salésienne, T. 109, Académie Salésienne, 2004, 318 p., pp. 9–34. Кроме уроженцев Савойи или людей, связавших с ней свою жизнь, таких, как Альбер Блан, Франсуа Декот, Франсуа Вермаль, Бернар Секре, Анри Бордо, Жак Лови, Жан Реботтон и Жан-Луи Дарсель, только Робер Триумф следом за Жозефом Мандулем всерьез заинтересовался конкретными политическими мерами, предпринятыми Местром в интересах савойской династии или, точнее, своей «малой родины» – Савойского герцогства, входившего в состав Сардинского королевства. Помимо книги Триумфа (*Joseph de Maistre. Étude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique*, op. cit.), см. также его статью: Robert Triomphe, «Mémoire sur l'union de la Savoie à la Suisse. 1795. Texte inédit avec une introduction et des notes», *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, n° 39, Strasbourg, 1960–1961, pp. 207–228 et 257–268.

³³ Сколько бумаг, подписанных рукой Жозефа де Местра и представляющих собой оригинальные документы во всех смыслах этого слова, хранятся до сих пор в архивах Санкт-Петербурга и Москвы?

³⁴ Rodolphe de Maistre, *Lettres et opuscules inédits du Comte Joseph de Maistre. Précédés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre*, Paris, A. Vatou libraire éditeur, 2 vol., 1851, 591 p. et 592 p.

³⁵ См.: Bruno Berthier, «Les liens du procédé argumentaire maistrienne avec la logique rhétorique des sciences juridiques: hypothèses de recherches», *op. cit.*, pp. 117–126 et 146–151.

³⁶ «Жители столиц – равно как и неудовлетворенные провинциалы – убеждены, что все связанное с их родными провинциями второстепенно и не дает простора для ума. Не следует ли из этого, что исследования провинций суть исследования провинциальные, ограниченные в той же мере, что и их предмет? У малой родины своя история, которая, однако, пишется на полях Истории с большой буквы, а значит, размышления о родном крае – размышления маргинальные, годные только для детей, стариков и отпускников, предмет ни к чему не обязывающих мечтаний, посещающих время от времени свободного жителя больших городов, свободного творца великих идей. Однако разве не важно порой помечтать, помедлить “на полях” событий? Последуем же за Местром в глушь, далекую от Рима и тронов, – в Шамбери и Лозанну» (Robert Triomphe, «Mémoire sur l'union de la Savoie à la Suisse [...]», *op. cit.*, p. 208).

³⁷ «Местр не был чистым теоретиком. В своей дипломатической переписке он прибавляет к рассуждениям о внешней политике, которые он был обязан адресовать своему королю, соображения о политике внутренней. [...] Он желал быть при государе советником, “обер-нашептывателем”, по его собственному выражению» (Francis Bayle, *Les idées politiques de Joseph de Maistre*, *op. cit.*, p. 123).

³⁸ См.: Bruno Berthier, «Réflexion sur les États de Savoie ou propédeutique politique d'un jeune magistrat savoyard», *op. cit.*, pp. 97–99 (см. особенно примечания 213 et 214).

³⁹ Триомф предлагает формулировку полемическую, намеренно заостренную ради доказательства неизменной двойственности высказываний его героя, но при этом чрезвычайно убедительную и указывающую на гибкость мышления Местра-дипломата и его неизменную озабоченность судьбой родного Савойского герцогства: «Если в Европе Местр – проповедник абсолютизма, в Савойе он либерал» (Robert Triomphe, «Mémoire sur l'union de la Savoie à la Suisse [...]», *op. cit.*, p. 217).

⁴⁰ «Сколько бы он этого ни опровергал, никто больше него не испытал на себе влияния французских философов; хотел он того или нет, он носил на себе печать своей родной страны: он был французом. Да и могло ли случиться иначе? Семья Жозефа де Местра изначально была французской; его предки жили в Иль-де-Франсе и в Лангедоке, а затем в графстве Ниццком, то есть близости от Прованса и Савойи, где они обосновались в XVIII столетии; между тем Савойя – край в физическом и нравственном отношении французский; он,

образно говоря, повернут спиной к Италии, а лицом к Франции, которой дарит воду, стекающую со своих гор, и своих жителей, обращающихся к французам за уроками жизни телесной и умственной» (Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, *op. cit.*, p. 19–20). Расцвет республиканского патриотизма, обостренного поражением во франко-прусской войне 1870 г., заставлял ставить французскую литературу на службу идеологии, поэтому савойские биографы Местра конца XIX столетия и периода между Первой и Второй мировыми войнами, от Франсуа Декота до Анри Бордо, хотя сами не слишком давно сделались французскими гражданами, стремились представить своего соотечественника Жозефа де Местра как «бессознательного французца», упирая на его общеизвестную любовь к Франции и к языку Вольтера и закрывая глаза на явный контраст этого утверждения с реальными политическими обстоятельствами (см.: Bruno Berthier, «Réflexion sur les États de Savoie ou propédeutique politique d'un jeune magistrat savoyard», *op. cit.*, pp. 20–28).

⁴¹ «В разные эпохи графа де Местра изображали то теоретиком абсолютной монархии (самая частая трактовка), то сторонником цезаризма, то патрицием, восстающим против абсолютной власти, то либеральным итальянским патриотом. Это разнообразие интерпретаций объясняется пристрастностью их авторов, большим временным разрывом между прижизненными и посмертными публикациями сочинений Местра, его официальной и частной переписки и его юношеских произведений, но в первую очередь той приверженностью к стилистическим крайностям, тем отсутствием умеренности, которые отличают все написанное Местром» (Francis Bayle, *Les idées politiques de Joseph de Maistre*, *op. cit.*, p. 13).

⁴² «Что же касается Савойи, ее роль напоминает ту, какую играет Фландрия для Бельгии. Это край менее открытый, менее общезытный, более недоверчивый, живущий по старинке, немного крестьянский, сдерживающий то стремление на Восток, какому подвержены все народы, живущие у подножия Альп. Однако судьба ее остается связанной с той династией, которая правила ею изначально. Помимо воли и сама того не подозревая, она остается более итальянской, нежели французской. Жозеф де Местр, бесспорно самое верное ее воплощение, обязан Италии самыми глубокими прозрениями своего гения, а Пьемонту – упорством и настойчивостью своего характера» (Albert Blanc, *Mémoires politiques et Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, *op. cit.*, p. 380).

⁴³ Jean Zaganariaris, *Spectres contre-révolutionnaires [...]*, *op. cit.*, p. 57; «Альбер Блан жил и писал в Савойе, которая с 1815 года была уже не французской, а итальянской. [...] И так, в 1858 году Савойя еще входит в состав Италии» (*loc. cit.*, p. 53). Между тем если с 1792 по 1815 г. Савойское герцогство в самом деле входило в состав Франции, это вовсе не означает, что после этого оно сделалось

итальянским и оставалось таковым в 1858–1860 гг., когда Альбер Блан занялся биографией своего земляка Жозефа де Местра, или что до Революции оно было французским!

⁴⁴ *Ibid.*, p. 34.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 35, note 68.

⁴⁶ О карьере Жозефа де Местра в государственном аппарате Сардинского государства, которую многие не слишком осведомленные биографы считают неудавшейся, см., кроме суждений Альбера Блана, разумеется, сильно устаревших (*Mémoires politiques et Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, *op. cit.*, pp. 5–69), такие работы, как: Bernard Secret, *Joseph de Maistre substitut et sénateur d'après des lettres inédites. Avec une introduction et des notes*, Chambéry, Librairie Dardel, 1927, 39 p.; Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre à Lausanne (1793–1797)», *De la Terre à la Restauration. Correspondances inédites, Revue des Etudes Maistriennes*, n° 10, Paris, Les Belles Lettres, 1990, 195 p., pp. 7–135; Jacques Lovie, «Les dernières années de Joseph de Maistre (1817–1821)», *ibid.*, pp. 139–167; Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre et la Maison de Savoie. Quelques aspects de sa carrière», *Études et Documents, Revue des Etudes Maistriennes*, n° 11, Paris, Les Belles Lettres, 1990, 149 p., pp. 75–125. О склонности Жозефа де Местра в бытность его савойским сенатором к исполнению административных и «политических» функций см. особенно: Bruno Berthier, «Les liens du procédé argumentaire maistrien avec la logique rhétorique des sciences juridiques [...]», *op. cit.*, p. 160.

⁴⁷ См.: Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre et la Maison de Savoie. Quelques aspects de sa carrière», *op. cit.*, pp. 81–88.

⁴⁸ Об этом промежуточном периоде, очень плохо документированном и постоянно заслоняемом от биографов, с одной стороны, пребыванием Местра в Швейцарии во время Революции, когда он учился азам дипломатии, а с другой стороны, его жизнью в Петербурге, см.: François Descostes, *Joseph de Maistre inconnu (Venise – Cagliari – Rome) 1797–1803. D'après des documents inédits*, Paris – Chambéry, Librairie Honoré Champion – André Perrin, 1904, 64 p.

⁴⁹ См.: François Vermale, *Joseph de Maistre émigré*, Chambéry, Librairie Dardel, 1927, 174 p., pp. 47–90; Jean-Louis Darcel, «Joseph de Maistre à Lausanne (1793–1797)», *op. cit.*, pp. 7–20.

⁵⁰ См.: Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, *op. cit.*, p. 160–168; Мандуль пишет по этому поводу: «Местра оставили в Петербурге; о происходящем его информировали крайне скупо, зато ему постоянно приходилось защищаться от подозрений и оскорблений нового министра иностранных дел графа де Валлеза» (*loc. cit.*, p. 168).

⁵¹ «Прежде всего Местр желал, несмотря на всю свою подчеркнутую ненависть к писанным конституциям, чтобы сардинский король посредством глубоких

реформ, быть может даже посредством изменения системы правления, защитил своих старых и новых подданных от губительного возвращения к старому порядку ведения дел. [...] А есть ли лучший способ завоевать доверие всех подданных, чем объявить с самых первых дней Реставрации об отказе от любых попыток насильственного возвращения к прошлому?» (*ibid.*, p. 321). Общий анализ этих проблем см.: *loc. cit.*, pp. 308–328.

⁵² Очерк истории Савойского дома и Савойского герцогства см. в кн.: Paul Guichonnet (Sous la direction de), *Nouvelle histoire de la Savoie*, Toulouse, Univers de la France, Privat, 1996, 366 p. (о периоде Средневековья, Нового и новейшего времени до 1860 г. см., в частности, pp. 89–285); более общие сведения см.: Roland Edighoffer, *Histoire de la Savoie*, Paris, «Que sais-je?», n° 151, PUF, 1992, 128 p.

⁵³ Обстоятельства, проясняющие смысл этой формулы, и видоизменения, которые претерпела политика Савойского дома по отношению к Италии с XI по XIX в., превосходно резюмированы в работе: Jacques Lovie, *Politique et diplomatie. La Maison de Savoie et l'Europe (1000–1860)*, Chambéry, L'Histoire en Savoie, n° 56, Société Savoisiennne d'Histoire et d'Archéologie, 1979, 28 p.

⁵⁴ Об аномальном политико-государственном комплексе, сложившемся в Савойском государстве в конце дореволюционного периода и во время эпохи Реставрации, и о его чуждости национальному федеративному принципу, который в той или иной степени укреплялся в соседней Франции, см.: Paul Guichonnet, «L'identité savoyarde», *Cahiers d'histoire des Universités de Lyon – Grenoble – Clermont – Saint-Étienne – Chambéry*, Lyon, Comité historique du Centre-Est, CNRS, t. XLII, 1997, n° 1, pp. 5–47; *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France [...]*, *op. cit.*, pp. 5–28.

⁵⁵ В начале XIX в. Жозеф де Местр одним из первых в традиционалистском окружении государей из Савойского дома, пребывающих в изгнании на Сардинии, осознает, насколько важную роль в политической жизни Европы, развороченной Наполеоном Бонапартом, будет отныне играть национальный фактор. См. об этом: Jean-Yves Pranchère, «La nation contre la souveraineté du peuple? Joseph de Maistre et la question de la nation», *Joseph de Maistre acteur et penseur politique. Varia*, *op. cit.*, pp. 461–479. См. также: Francis Bayle, *Les idées politiques de Joseph de Maistre*, *op. cit.*, pp. 48–57; Christophe Boutin, «Le caractère national chez Joseph de Maistre: patriotisme contre identité juridique», *Joseph de Maistre. (Dossier conçu et dirigé par Philippe Barthelet)*, *op. cit.*, pp. 457–462.

⁵⁶ См. об этом, помимо пионерских работ Альбера Блана и Жозефа Мандуля: Bruno Berthier, «Autorité ou autoritarisme centrifuge? Joseph de Maistre ou l'analyse politique urticante d'un complexe institutionnel paradoxal d'États de Savoie au crépuscule de leur vénérable histoire», *Pouvoirs et territoires dans les États de Savoie. Actes du colloque international de Nice, 29 novembre – 1er décembre 2007*, Programme

de Recherche sur les Institutions et le Droit des Anciens États de Savoie, Nice, Serre éditeur, 2010, 580 p., pp. 27–49.

⁵⁷ См. об этом: Albert Blanc, *Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre [...]*, op. cit., pp. 285–302; Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, op. cit., pp. 139–145, а также: Henri Welschinger, «Joseph de Maistre et Napoléon», *Revue des Deux Mondes*, LXXXIV année, Sixième période, t. 19, 1914, pp. 602–638.

⁵⁸ Основные соображения Жозефа де Местра по этому поводу, впрочем более или менее полно изложенные также на многих страницах его дипломатической и частной переписки, см.: Joseph de Maistre, «Mémoire à consulter sur l'état présent de l'Europe avec quelques réflexions particulières sur l'Italie. Saint-Petersbourg, janvier 1804», *Œuvres complètes de J. de Maistre [...]*, t. IX – *Correspondance [...]*, op. cit., pp. 125–155 (автографы этого текста, равно как и «Рассмотрения записки о состоянии Европы, писанной в январе 1804 года», хранятся в Архиве департамента Савойя – Archives Départementales de la Savoie: ADS 2J41, 1 vol. relié, in fol., pag. multiple, ms, 57 p. et 10 p.); Albert Blanc, *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, Tome Premier, op. cit., «Mémoire sur la situation et les intérêts de S. M. le roi de Sardaigne à cette époque. Saint-Petersbourg, 17/29 décembre 1812», pp. 272–300 (эта записка опубликована также в изд.: *Œuvres complètes de J. de Maistre [...]*, t. XII – *Correspondance IV. 1811–1814, [...]*, 1886, 502 p., pp. 321–336); «Saint-Petersbourg, 18/30 avril 1813 [...] [Les Alpes, Gênes, l'Italie]», *ibid.*, pp. 308–321; «Saint-Petersbourg, 24 avril/6 mars 1813 [...] [Mémoires sur l'Italie]», *ibid.*, pp. 329–334. См. также: Nicomède Bianchi, [*Question italienne*] *La maison de Savoie et l'Autriche. Documents inédits extraits de la correspondance diplomatique du comte Joseph de Maistre*, Turin, Imprimerie littéraire, 1859, 35 p. (этот же труд опубликован и по-итальянски). Общий анализ этих записок Местра, посвященных будущности севера Апеннинского полуострова под властью Савойского дома и возрождению в этих краях «итальянского духа», см.: Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, op. cit., pp. 171–176 et pp. 238–263.

⁵⁹ Об обсуждении такой деликатной геополитической проблемы, как восстановление Савойского государства – с прибавлением Лигурии – на международных конгрессах 1814–1815 гг., см., например: Victor Monnier, «Traité de 1814–1816», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion (Sous la direction de Christian Sorrel et Paul Guichonnet, avec la collaboration de Victor Monnier et Bruno Berthier)*, Montmélian, Les Savoisiennes, La Fontaine de Siloé, 2009, 725 p. + CCCXII p. de planches illustrées, pp. 146–150.

⁶⁰ См.: Bruno Berthier, «Autorité ou autoritarisme centrifuge? [...]», op. cit., pp. 38–44.

⁶¹ *Ibid.*, pp. 44–49.

⁶² Как все савояры эпохи Революции и Империи, а равно и их потомки в 1860 г., когда подобная альтернатива (раздробление герцогства Савойского или присоединение его во всей его целостности к Франции) вновь встала перед сардинскими властями, Жозеф де Местр не может смириться с перспективой раздробления «малой родины», сложившейся вследствие долгих превратностей альпийской истории: «Бедная Савойя, Ваше Величество! Какой жестокой участи подвергают это древнее наследство! Если бы, по крайней мере, ее не разрывали на куски, она, оплакивая разлуку со старинным своим повелителем, находила бы утешение в том, что сохранила целостность; но как же мучительно это разделение неразделимого!» (Albert Blanc, «Saint-Petersbourg, 4/16 juillet 1814», *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, Tome Premier, op. cit., p. 376–377). По мнению Местра, лучше отдать Савойю Франции в обмен на земли долины По, чем согласиться нарушить целостность «несчастной нации из 400 000 человек, у которых общий язык, общая вера, общий характер, общие привычки и, наконец, общие естественные границы». Савойю, продолжает Местр, «раздробил какой-то секретарь, который вопреки природе провел пером линию по карте, чтобы разделить людей и распродать словно стадо баранов» (Albert Blanc, «Saint-Petersbourg, 10/22 août 1814», *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, Tome Second, op. cit., p. 8).

⁶³ «Мне не раз передавали, что в Турине и даже в Париже утверждают, будто после тяжелой болезни я совершенно лишился разума. [...] Нередко я говорил со смехом: скоро королю напишут, что со мной вот-вот случится апоплексический удар, но я вижу, что благожелатели мои предпочли выставить меня слабоумным. Если когда-нибудь эта беда меня постигнет, Вы, Ваше Сиятельство, читающий мои письма, узнаете об этом первым» (Joseph de Maistre, lettre du 21 janvier (2 février) 1815, *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. 1811–1817 [...]*, op. cit., t. II, p. 45–46).

⁶⁴ Назначенный 11 октября 1852 г. министром сельского хозяйства, торговли и промышленности, Кавур 2 ноября того же года возглавил кабинет министров, не оставив, впрочем, и первого своего поста. Поскольку Кавур действовал крайне активно на мировой дипломатической сцене и делал все возможное для сближения своего государя, короля Виктора Эммануила II, с английским и французским монархами ради получения от них военной помощи, необходимой для объединения Италии, он, по случаю открытия в 1856 г. Парижского конгресса, прибавил ко всем своим прежним должностям еще и официальное звание министра иностранных дел, что позволило ему на законном основании участвовать в работе этого конгресса. Несмотря на постоянную смену министров – своеобразную школу парламентской демократии, – Кавур удерживался

во главе регулярно сменяющихся коалиционных правительств вплоть до своей громкой отставки летом 1859 г., когда он вышел из состава правительства в знак протеста против подписания – на его взгляд, слишком поспешного – сепаратного франко-австрийского перемирия в Виллафранке. Когда же в январе 1860 г. он возвратился в правительство, то вновь сделался не только главой кабинета, но и министром иностранных дел, с тем чтобы по-прежнему служить делу Рисорджименто и торговаться с Наполеоном III относительно условий, на которых королевство Сардиния уступит Франции Ниццу и Савойю (удовлетворить это требование французского императора он обещал во время их тайной встречи в Пломбьер-ле-Бене летом 1858 г.). Биографию Кавура см., например: Jean-Yves Frétygné, «Cavour Camillo (Camillo Benso, comte de Cavour), 1810–1861», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 183–187.

⁶⁵ См.: Bruno Berthier, «Réflexion sur les États de Savoie ou propédeutique politique d'un jeune magistrat savoyard», *op. cit.*, pp. 69–81.

⁶⁶ См.: Jean-Yves Frétygné, «Risorgimento», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 135–138; более подробно об этом разнородном и многоаспектном движении, неразрывно связанном с борьбой за объединение Италии, см., например: Paul Guichonnet, *L'Unité Italienne*, Paris, «Que sais-je?», n° 942, PUF, 1961, 128 p. (попытку дать определение этому понятию см., в частности: pp. 5–10).

⁶⁷ См.: «Он чувствует, что Савойя [в 1795 г.] не может возвратиться к прежнему своему повелителю. Этого не хотят ни революционная Франция, все еще могущественная, ни коалиционные державы, алчные или эгоистичные. [...] Турин не умеет мыслить реалистически и не может смириться со сложившимся порядком вещей; Франция между тем уже захватила Савойю; не желая выбирать одно из этих двух зол, Местр ищет для родного края третий путь; найти его он надеется в Швейцарии. Если возможно единство земель, располагающихся по разные стороны Альп, то должно быть возможным и единство земель по разные стороны Женевского озера; отчего же не заменить первое вторым? [...] Записка Местра впитала в себя двести лет савойской истории. Пожалуй, из всех документов, сочиненных за эти двести лет в пользу союза со Швейцарией, этот – самый красноречивый, самый умелый и если не самый своевременный, то, во всяком случае, самый точный. Однако значение его много шире гельвето-савоярских отношений. Если сравнить эту записку со всем наследием Местра, становится очевидно, как тесно соседствовали в его сочинениях защита местных свобод с пропагандой европейской интеграции, автономизм и абсолютизм; а это, в свою очередь, проливает свет на своеобразие определенной психологии провинциального партикуляризма, который достоин внимания не меньше, чем национальный централизм, и который

сейчас, в 1960-е годы, распространен так же, как во время Революции» (Robert Triomphe, «Mémoire sur l'union de la Savoie à la Suisse. [...]», *op. cit.*, p. 214 et 226).

⁶⁸ Адвокат Урбано Ратацци представлял собой полную противоположность Кавуру как в политическом, так и в человеческом плане, и тем не менее он тоже был неизбежным членом почти всех сардинских правительств, сменявших друг друга с 1850 по 1860 г., а затем стал одним из главных политических деятелей молодого Итальянского королевства и после смерти своего вечного соперника-пьемонтца несколько раз возглавлял кабинет министров и палату депутатов. См. о нем: Christian Sorrel, «Rattazzi Urbano. 1808–1873», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 292–293.

⁶⁹ Следует ли считать трактат «О папе» практическим предложением зрелого Жозефа де Местра, его ответом на вопрос о том, какое правительство должна получить Италия в соответствии с ее историей, и его откликом на политические полумеры, принятые Венским конгрессом касательно итальянских государств и вызвавшие у сардинского посланника в Петербурге острое разочарование? См. на этот счет, например: Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, *op. cit.*, pp. 253–255 et pp. 296–299.

⁷⁰ Об этом см. ставшую классической работу: Charles-Albert Costa de Beauregard, *Prologue d'un règne. La jeunesse du Roi Charles-Albert*, Paris, Plon, 1889, VII + 365 p. (о неудавшейся революции 1821 г. и об участии в ней принца Кариньянского, будущего короля Сардинии, см. pp. 77–103).

⁷¹ См.: Olivier Vernier, «Statuto albertino», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 142–144; Paul Guichonnet, «Révolution de 1848», *loc. cit.*, pp. 131–134.

⁷² Обо всем этом см.: Paul Guichonnet, «Piémont (évolution)», *ibid.*, pp. 103–111.

⁷³ Слово почерпнуто из прославленного письма к барону Винье дез Этолю: «Если это прекрасное правительство, несущее смерть монархии, будет восстановлено, я скажу то, что говорил всегда: “повинуйтесь”; я с сыновним великодушием прощу самые безобразные злоупотребления; если же каким-то чудом монархия восстановится, а палкократия нет, тогда, с вашего позволения, я буду счастлив. Я не питаю к пьемонтцам никакой ненависти, я знаю, чего они стоят: но я предпочитаю мою нацию [савойскую] или, по крайней мере, простой народ» (письмо из Лозанны от 9 декабря 1793 г., *Œuvres complètes de J. de Maistre* [...], t. IX – *Correspondance* [...], *op. cit.*, p. 58–59). См. также: François Vermale, «Joseph de Maistre contre le militarisme piémontais», *Notes sur Joseph de Maistre inconnu*, Chambéry, Librairie Perrin M. Dardel successeur, 1921, 130 p., pp. 47–61.

⁷⁴ «В провинции, которая так живо интересуется Ваше Величество [герцогстве Савойском] были в недавнее время произнесены следующие слова: отдайте

нас кому угодно, хоть персидскому шаху, только избавьте нас от пьемонтских солдафонов [в каждую провинцию королевства пьемонтские власти посылали военного, подчинявшегося наместнику и наделенного широкими полицейскими полномочиями]» (цит. по: Albert Blanc, *Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre* [...], *op. cit.*, p. 8).

⁷⁵ См.: Hubert Eyriès, «Guerre de Crimée (1854–1856)», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 81–83.

⁷⁶ См.: Jean-Paul Guérin, «Transports», *ibid.*, pp. 150–152; «Fréjus (Tunnel du)», *loc. cit.*, pp. 585–586.

⁷⁷ О том, как проходила Реставрация в герцогстве Савойском, см.: Joseph Tardy, *La Savoie de 1814 à 1860*, Chambéry, A. Perrin Libraire-éditeur, 1896, 308 p., pp. 43–85.

⁷⁸ См.: Bruno Berthier, «*Buon governo*», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 35–38.

⁷⁹ См.: Yves Bruley, «politique des nationalités», *ibid.*, pp. 430–434; Jean-Yves Frétygné, «Unité italienne», *loc. cit.*, pp. 470–475; Paul Guichonnet, «opinions publiques. 2 – Piémont», *loc. cit.*, pp. 413–415, а также: Paul Guichonnet, *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France* [...], *op. cit.*, pp. 61–81. Более общий анализ всего этого периода и состояния умов в герцогстве Савойском содержится в работе: Sylvain Milbach, *Entre Piémont et France: la Savoie dévotée. 1848–1858*, Chambéry, Société – religion – politiques, n° 10, Université de Savoie, 2008, 302 p.

⁸⁰ См.: Franck Roubeau, «Révolution et Empire (héritages et mémoire)», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 126–130.

⁸¹ «Еще в 1804 году Жозеф де Местр пришел к убеждению, что за возвращением короля в Турин непременно должна последовать амнистия: он был уверен, что следует истребить взаимную ненависть и ее причины. [...] Если часть нации встала на сторону Революции, то дело тут “в страхе и в тщеславии” (письмо от 22 июля / 3 августа 1804 г.). Более того, в этом изменившем меньшинстве следует различать два разряда – “тех, кто ненавидит, и тех, кто боится. В оба разряда входят все те, кто связался с Революцией, то есть все те, кто служил Республике или, лучше сказать, Франции, из склонности, из покорности или из соображений политических, – те, кто покупал, продавал и перепродавал до бесконечности национальные имущества; все те, кто полагает, будто прогневили двор, и опасается унижений с его стороны; наконец, родственники и друзья, ближние и дальние знакомые всех названных лиц” (письмо от 29 апреля / 1 мая 1804 г.; оба письма цит. по: Albert Blanc, *Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre* [...], *op. cit.*, p. 368). Следует ли считать всех их врагами равно опасными? Всеобщая амнистия сотрет из памяти их заблуждения,

а ведь “Его Величеству более, чем любому другому государю, подобает закрыть глаза на прошлое” (письмо от 22 июля / 3 августа 1804 г.) [...] это единственный способ вернуть стране спокойствие и уничтожить зародыши гражданской войны» (Joseph Mandoul, *Un homme d'État italien. Joseph de Maistre et la politique de la Maison de Savoie*, *op. cit.*, p. 321–322).

⁸² О Савойе как альпийском бастионе римского католицизма в непосредственной близости от Женева, «кальвинистского Рима», и об откровенном антиклерикализме туринского правительства после 1848 г. см.: Christian Sorrel, «Anticléricalisme», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 30–32 et «Clergé catholique et Annexion», *loc. cit.*, pp. 340–344; Robert Soldo, «Catholicisme», *loc. cit.*, pp. 38–43.

⁸³ См.: Cécile Bogeay, «Représentations littéraires de la Savoie», *ibid.*, pp. 120–123; Jean-Paul Guérin, «Tourisme», *loc. cit.*, pp. 144–146.

⁸⁴ См. о перипетиях этого обмена: Yves Bruley, «Entrevue de Plombières (21 juillet 1858)», *ibid.*, pp. 357–359 et «France (Diplomatie)», *loc. cit.*, pp. 372–378; Paul Guichonnet, «Piémont (Diplomatie)», *loc. cit.*, pp. 420–424; Paul Guichonnet, *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France* [...], *op. cit.*, pp. 82–96.

⁸⁵ См.: Hubert Eyriès, «Guerre de 1859», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 390–393, «Magenta (Bataille de)», *loc. cit.*, pp. 396–397, «Solferino – San Martino (Bataille de)», *loc. cit.*, pp. 452–453 et «Villafraanca (Armistice et traité)», *loc. cit.*, pp. 475–476; Christian Sorrel, «Manifestation anti-séparatiste de Chambéry (29 janvier 1860)», *loc. cit.*, pp. 397–399; Paul Guichonnet, «Plébiscite (22 et 23 avril 1860)», *loc. cit.*, pp. 424–430; Olivier Vernier, «Comté de Nice», *loc. cit.*, pp. 345–349 et «Traité de Turin (24 mars 1860)», *loc. cit.*, pp. 463–467. Более широкий контекст см. в кн.: Paul Guichonnet, *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France* [...], *op. cit.*, pp. 97–263.

⁸⁶ «Мой долг – выразить признательность двум особам, без которых эта публикация не смогла бы увидеть света. Предпринятая с согласия господина графа де Кавура, она была выполнена при содействии господина командора Кастелли, директора Главного архива Сардинского королевства, и господина кавалера Комбетти, начальника отдела в этом архиве. Если, как я надеюсь, она заинтересует современных философов и литераторов, а также поможет понять причины знаменательных событий, свершающихся сегодня в нашем отечестве, всю заслугу нужно будет приписать либеральным устремлениям нынешнего туринского правительства, которое поощряет разыскания такого рода, неоднократно одобренные людьми, чье слово несравненно более весомо, чем мнение благодарного автора этих строк» (Albert Blanc, *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. 1811–1817. Recueillie et publiée par Albert Blanc*, Paris, Michel Lévy frères Libraires-éditeurs, 1860, 2 vol., *tome premier*, VIII + 407 p., pp. VII–VIII).

⁸⁷ Именуя Альбера Блана адвокатом, Заганиарис допускает еще одну ошибку, которую, впрочем, до него совершали и другие историки, даже такие осведомленные, как Поль Гишонне (см.: Paul Guichonnet, *Histoire de l'Annexion de la Savoie à la France* [...], *op. cit.*, p. 176).

⁸⁸ Ср. у Заганиариса: «Эта реабилитация местровского наследия неразрывно связана с тем фактом, что публикацию предпринял не кто иной, как адвокат родом из Шамбери. [...] Документы, напечатанные в этих сборниках, почерпнуты из архива, находившегося в подчинении Кавура, чьи подчиненные строго следили за комментариями, которые будут сопровождать их публикацию. Было бы наивным полагать, что документы эти были изданы с целями строго научными [...] [примеч. 125]. В заметке, открывающей книгу, Альбер Блан благодарит Кавура и его правительство за то, что они поручили ему опубликовать эти документы» (Jean Zaganiaris, *Spectres contre-révolutionnaires*. [...], *op. cit.*, p. 51); упоминание «адвоката-сенсимониста из Шамбери» повторяется в этой работе неоднократно (см.: *op. cit.*, pp. 49–60).

⁸⁹ Биографическую справку о Блане см.: Christian Sorrel, «Blanc Albert (1835–1904)», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 174–176; более подробные биографические и библиографические сведения содержатся в работе: Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, Chambéry, Sociétés – Religions – Politiques, n° 3, Université de Savoie, 2006, 148 p., pp. 7–20.

⁹⁰ «Итак, формула “человек минувшего” в определенном смысле подходит к Жозефу де Местру как нельзя лучше» (Jules Barbey d'Aureville, *Les prophètes du passé*, Paris, Louis Hervé éditeur, 1851, 196 p., p. 22–23); см. также: Alphonse de Lamartine, *Cours familier de littérature. Un entretien par mois*, t. VIII, Paris, Chez l'Auteur, 1859, 480 p., pp. 75–80, («XLIIIe Entretien. Vie et œuvre du comte de Maistre. 2e partie», pp. 5–80).

⁹¹ Этот государственный деятель, своеправный, но тем не менее сыгравший значительную, хотя и долгое время замалчиваемую роль в выработке общих ценностей новой итальянской нации, лишь недавно стал предметом пристального внимания историков; см.: Jean-Yves Frétygné, «Victor-Emmanuel II (1820–1878)», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion* [...], *op. cit.*, pp. 318–321.

⁹² См. о нем краткие биографические справки: Christian Sorrel, «Buloz François (1804–1877)», *ibid.*, pp. 181–182 et «Buloz François», *Dictionnaire religieux de la France contemporaine. 8 – La Savoie* [...], *op. cit.*, pp. 96–97.

⁹³ «Ревю де Де Монд», который он издавал с 1831 г., печатался на бумаге, произведенной на фабрике Лесса в окрестностях Шамбери; фабрика эта принадлежала семейству Форэ, с которой состоял в родстве не кто иной, как Альбер

Блан! (См.: Christian Sorrel, «Buloz François (1804–1877)», *ibid.*, p. 181; Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 9).

⁹⁴ «В бытность свою в Савойе [в имении Ронжу в коммуне Мотт-Серволекс] летом 1858 года Бюлоз познакомился с Бланом и пригласил его в Париж с согласия Кавура, полученного при посредничестве Нигра, его доверенного лица в столице [после 1861 года он занял там должность посла Италии]» (*ibid.*, p. 10). См. также: Jacques Lovie, «Buloz et l'Italie: quelques lettres inédites d'Albert Blanc (1858–1861)», *Revue de Savoie*, X^e année, n° 4, Chambéry, Librairie Dardel, 1957, pp. 261–270.

⁹⁵ После громкого начала карьеры Блана, казалось, замедлилась весной 1859 г., и это доставляло огромные мучения юноше, который торопился преуспеть и которому была невыносима сама мысль о том, что он может упустить гигантские возможности, открывавшиеся по случаю создания почти из ничего итальянской нации и итальянского государства. Он прозябает в роли временно-го официального корреспондента туринского правительства в столице Франции и страдает из-за того, что удален от театра военных действий, куда во всех странах и во все эпохи вечно устремлялись честолюбцы-идеалисты, жаждущие славы и готовые стяжать ее любой ценой. См.: Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 13–14.

⁹⁶ Во втором издании – вышедшем таким же тиражом – составитель, между прочим, учел некоторые исправления, подсказанные Бюлозом: «Сударь, я с горестью узнал, что мой помощник [...] по всей вероятности, оттого, что его торопил типограф, – не доставил Вам том, в который Вы любезно обещали мне внести несколько рукописных исправлений. Варвары-издатели [...] известили меня о намерении выпустить второе издание всего за три дня до назначенного срока, и мне пришлось отправлять им том с поправками, внесенными кое-как, в ужасной спешке. [...] Не могу даже выразить, как огорчительна для меня мысль, что это издание – тираж которого, впрочем, не превышает полутора тысяч экземпляров, – выходит с ошибками, которые Вы могли бы исправить. Во всяком случае, все те оплошности, о которых Вы меня предупредили, я исправил и выбросил главу об Австрии, которая нынче не слишком уместна. Надеюсь, впрочем, что я еще успею показать Вам значительную часть книги» (письмо Альбера Блана к Франсуа Бюлозу от 8 ноября 1858 г.; цит. по: Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 22).

⁹⁷ Albert Blanc, «De la monarchie représentative en Italie – I. Le Roi Charles-Albert et le Comte César Balbo», *Revue des Deux Mondes*, XXIXe année. – Seconde période (Tome XIX, 1008 p.), Paris, Imprimerie de J. Clayé, Livraison du 1er janvier 1859, pp. 167–199; «De la monarchie représentative en Italie – II. César

Balbo et la papauté libérale», *ibid.* (Tome XX, 1022 p.), Livraison du 1er mars 1859, pp. 68–104.

⁹⁸ Albert Blanc, *La Savoie et la monarchie constitutionnelle*, Chambéry, Baudet, 1859, 110 p. Хотя инициатива сочинения этой полемической брошюры, отпечатанной тиражом не меньше тысячи экземпляров и направленной против профранцузских брошюр, распространявшихся в герцогстве Савойском летом 1859 г., исходила, судя по всему, не от Франсуа Бюлоза, он живо уговаривал ее сочинителя открыто объявить о своем авторстве. «Я ошибся, сударь, – писал ему Блан в октябре 1859 г., – но теперь ошибка исправлена. Через два дня брошюра появится под моим именем. В Савойю поступили всего несколько неподписанных экземпляров; как только весь тираж будет отпечатан, я разошлю их повсюду, чтобы имя мое красовалось на всех витринах. За границу не попадает ни один экземпляр без моего имени на обложке (цит. по: Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 89; см. также: Christian Sorrel, «Brochures de propagande (1859–1860)», *La Savoie et l'Europe. 1860–2010. Dictionnaire historique de l'Annexion [...]*, *op. cit.*, pp. 334–340.

⁹⁹ Впрочем, еще прежде вечный соперник Кавура и его временный преемник на посту председателя кабинета Урбано Ратацци, стремясь завоевать себе верных сторонников, успел наградить Альбера Блана крестом ордена Святых Маврикия и Лазаря – высшей официальной наградой, которой удостоивались выдающиеся подданные Сардинского королевства. «Господин Ратацци, говорят, стогает от желания обзавестись друзьями, – писал Альбер Блан Франсуа Бюлозу в декабре 1859 г. – [...] Возможно, эта смехотворная лавина наград – плод его желания окружить себя людьми, обязанными ему лично; выдумка неловкая и неумная, а главное, доказывающая, что он не понимает тех людей, каких желает осчастливить». [В самом деле, невзирая на отставку Кавура, Блан навесил его в Турине в конце 1859 г., чтобы в очередной раз изъяснить ему свою преданность и предложить свои услуги] (цит. по: Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 102).

¹⁰⁰ «Блан пытается угнаться за двумя зайцами и просит прощения у Бюлоза, но после тревожного лета [1859 г.] он делает ставку прежде всего на милости Кавура, остающегося весьма влиятельным в Пьемонте» (*ibid.*, p. 16). См. также: *loc. cit.*, pp. 15–18.

¹⁰¹ Isacco Artom et Albert Blanc, *Œuvre parlementaire du comte de Cavour, traduite et annotée par I. Artom et Albert Blanc*, Paris, J. Hezel, 1862, VII + 648 p.: «Один из авторов этой работы [Артом, ближайший соратник Кавура с начала 1850-х годов, в 1858 г. сменивший Константина Нигру на посту его секретаря] запечатлел на первых страницах этой книги воспоминания, дорогие его сердцу. В заметках, предваряющих речи графа Кавура, оба автора попытались в общих

чертах восстановить ситуации, в которых эти речи были произнесены. Они старались быть совершенно беспристрастными, ибо выдающимся людям потребны не панегиристы, а историки. [...] Авторы ставили своей целью не только почтить память министра, под началом которого они имели честь служить своему отечеству; они хотели также напомнить, насколько справедливым, благородным и щедрым на счастливые предзнаменования для всего мира было с самого начала движение за единую Италию. Их заветное желание заключается в том, чтобы рассказать о величии не только одного человека, но и целой нации» (*loc. cit.*, p. VI–VII).

¹⁰² Бюлоз уговаривал его по-прежнему информировать читателей парижского журнала об итальянских слухах и сплетнях, но Блан решительно отверг эти предложения, а вдобавок упрекнул Бюлоза в публикации отрывков из некоторых его писем, не предназначенных для печати и содержащих упоминания третьих лиц (в частности, жителя Шамбери Парана). На что Бюлоз 15 июня 1865 г. отвечал из своего имени Ронжум с сухим письмом, равнозначным извещению о полном разрыве отношений со своим прежним протеже: «Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы отгадать источник тех чувств, которыми вы прикрываетесь. Что же касается моих писем, которые ничуть не более конфиденциальны, чем ваши, вы можете делать с ними, что хотите: они покажут, чем я был и остаюсь для вас [...] Теперь же позвольте мне закончить нашу переписку раз и навсегда» (Christian Sorrel, *La Savoie, la France, l'Italie. Lettres d'Albert Blanc à François Buloz (1858–1861)*, *op. cit.*, p. 18). Две эти записки 1865 г., приобретенные порознь Архивом департамента Савойя (ADS 1 J 323), частично воспроизведены во введении к процитированной публикации 28 посланий Альбера Блана к Франсуа Бюлоза.

¹⁰³ «Abbiamo fatto l'Italia. Ora si tratta di fare gli Italiani». Традиция приписывает эту знаменитую фразу Массимо д'Азельо, меж тем в реальности она, по всей вероятности, была произнесена значительно позже Фердинандо Мартини, писателем и политиком конца XIX в., который лишь весьма приблизительно пересказал те слова, в которых старый идеолог Рисорджименто (и, между прочим, зять «великого» Мандзони) накануне смерти горько констатировал, что если Италию ему и его соратникам создать удалось, то относительно итальянцев этого сказать нельзя («[...] per dirla in una parola sola, il primo bisogno d'Italia è che si formino Italiani dotati d'alti e forti caratteri. E pur troppo si va ogni giorno più verso il polo opposto: pur troppo s'è fatta l'Italia, ma non si fanno gl'Italiani». – Massimo Taparelli D'Azeglio, *I miei ricordi (A cura di Alberto M. Ghisalberti)*, Torino, Einaudi, I Millenni, 1971, LXVIII + 460 p., p. 5).

¹⁰⁴ *Ibid.*, pp. 18–20. В 1878 г. в Нью-Йорке Альбер Блан женился на богатой наследнице Наталии Терри, происходившей из семьи ирландца, переселив-

шегося на Кубу; Наталия родила ему четырех детей, которые породнились с семействами старинной европейской аристократии по обе стороны Атлантики; см. об этом: Monique Dacquin, «Il y a cent ans mourait le baron Blanc», *Présence savoienne*, n° 117–118, Cercle de l'Annonciade, 2004, pp. 14–16 et n° 119–120, 2005, pp. 19–21.

¹⁰⁵ Albert Blanc, *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre [...]*, *op. cit.*, p. VIII.

¹⁰⁶ François Descostes, *Joseph de Maistre avant la Révolution. [...]*, *op. cit.*, Tome I, p. 185.

¹⁰⁷ René Doumic (pseudonyme de Victor Galbert?), «Les premières années de Joseph de Maistre», *Revue des Deux Mondes*, *op. cit.*, LXV année. – Quatrième période (Tome 131, 960 p.), Livraison du 15 septembre 1895, pp. 439–450, p. 444.

¹⁰⁸ Jean Zaganiaris, *Spectres contre-révolutionnaires. [...]*, *op. cit.*, p. 281.

- А43 **Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции** / Редкол.: В. Мильчина, П. Глод, С. Зенкин, М. Кольхауэр. М.: РГГУ, 2012. 256 с.
ISBN 978-5-7281-1348-5

Жозеф де Местр (1753–1821) – образцовый представитель контрреволюционной идеологии в эпоху позднего Просвещения и романтизма. Сегодня, на исторической дистанции, он видится как тонкий и едкий критик идей Просвещения, демонстрирующий невозможность бороться с этими идеями с помощью чисто рациональных аргументов, не прибегая к поддержке архаических представлений и преданий «вековечного» социального строя. Жозеф де Местр провел долгие годы в России, установил там ряд интеллектуальных контактов и стал одним из первых европейцев, попытавшихся соотнести западноевропейские идеи с традициями русской культуры.

Российско-французская конференция «Актуальность Жозефа де Местра» состоялась в Москве, в Российском государственном гуманитарном университете, в 2009 г. В настоящем сборнике печатаются материалы конференции в русской версии.

Для студентов и специалистов по истории литературы и истории идей.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фр)я43

Научное издание

АКТУАЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА
Материалы российско-французской конференции

Технический редактор *Г.П. Каренина*

Корректор *О.Н. Картамышева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 08.10.2012

Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 124

Уч.-изд. л. 128

Тираж 300 экз. Заказ № 100

Издательский центр

Российского государственного

экономического университета

125002, Москва, Мясницкая ул., 8

Тел. 8 (495) 973-42-00